

ПОБЕДИТЕЛЬ

Андрей ЗЕМЛЯНОЙ

Андрей Борисович Земляной
Серая сталь
Серия «Победитель
(Земляной)», книга 1

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69455614

Аннотация

Этот мир очень похож на наш. Но в нём не было Романовых на престоле, Россия не участвовала в Первой Мировой и вообще история пошла по немного другому пути. Совсем чуть-чуть.

Содержание

1 глава	6
2 глава	23
3 глава	42
4 глава	71
5 глава	89
6 глава	110
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Андрей Земляной
Серая сталь
Победитель (Земляной) 1

*Посвящается моей любимой сестричке,
Земляной Татьяне Борисовне – лучшему эксперту –*

криминалисту в России.

1 глава

*Со времён Ивана третьего, повелось называть воинов полков строевых – белой сталью, воинов монастырского Братства – чёрной сталью, а воинов Тайной стражи – серой сталью. И в годы правления Константина, было велено отличившимся воям, вручать кинжалы именные, дабы их доблесть в роду жила до скончания века...
Житие и правда воинского сословия на Руси. Сергей Саровский.*

Всероссийский конгресс воздухоплателей в Самаре, завершился невиданным зрелищем – воздушным парадом, в котором приняли участие более ста тридцати аэролётов и самолётов, несущих на себе гербы губерний и имперские флаги. Возглавлял парад, Цесаревич Константин, на своём верном Сикорском – 23, с гербом правящего дома на крыльях.

Мощь воздушного флота, подтверждённая многочисленными победами русских пилотов это гарантия спокойствия наших границ, и мирного труда жителей империи. И живым тому свидетельством – атакующий сокол на крыльях самолётов в мирном небе России.

Принимающий парад император Сергей первый высочайшим указом повелел, считать 12 апреля днём воздухоплавания и проводить в этот день

праздник и воздушный парад.

Новое русское слово 12 апреля 1920 года.

Российская империя, Граница земель Войска Донского и Ростовской губернии, Имение боярина Белоусова.

– Нет, нет и нет. Решительно не могу с тобой согласиться! – Сохранивший, не смотря на преклонный возраст, осанку и твёрдую поступь, отставной вице-адмирал, боярин Алексей Демидович Дубов, слегка качнулся вперёд, подхватывая со стола хрустальную рюмку налитую, так ценным им, коньяком Армения, медленно не торопясь выцедил ароматный напиток, тут же забросил вслед «пыж гвардейский» – дольку лимона с тонким до прозрачности ломтиком костромского сыра и вдумчиво прожевав закуску удовлетворённо кивнул каким – то собственным мыслям. – Только личные впечатления, способны оказать настоящее влияние на человека, и никакие книги тут не помогут. Уж поверьте мне.

Присутствовавшие в большой гостиной имения Белоусовых, милейшая Аделаида Демидовна – сестра Алексея Демидовича, и её муж, Белоусов Александр Денисович, лишь переглянулись, старательно пряча улыбки. Спор этот не имел ни начала, ни конца, и всегда продолжался после четвертой – пятой рюмки.

Сын и единственный наследник всего немалого состояния

Белюсовых – семнадцатилетний Николай, выправкой, и статью больше напоминающий офицера – гвардейца, чем подростка, сидел рядом и не торопясь поглощал огромный кусок от торта, привезённого дядей.

Высокий и не по годам широкоплечий, с сильными руками и большими голубыми глазами он оторвался от лакомства и поднял взгляд на родича.

– Но позвольте, Алексей Демидыч! – Неожиданно низким и глубоким голосом произнёс боярич. – Вот, к примеру, Шерлок Холмс. Никогда не выезжал далее Европы, и при этом имел весьма широкий кругозор.

Боярин Дубов на это лишь насмешливо хмыкнул.

– К вашему сведению, молодой человек, сэр Артур Игнатиус Конан Дойл, творчеству которого, мы обязаны появлению этого литературного персонажа, был весьма незаурядной личностью, побывав и в Арктике и Африке. И кругозор литературного героя – это во многом отражение видения мира автором, а никак не наоборот.

– Ну, хорошо! – Николай не сдавался. – А вот Жюль Верн? Он-то написал большинство своих книг, не выходя из кабинета!

– Это всего – лишь легенда, отпарировал адмирал. – Первое путешествие на своей яхте, Жюль Верн совершил в тысяча восемьсот пятьдесят девятом, а первый роман, напечатал в шестьдесят третьем.

– Но, помилуйте. – Александр Денисович, отложил недо-

чищённое яблоко и откинулся в кресле. — Ежели все кинутся путешествовать, кому же дело делать?

— Ну вам — то, Александр Денисыч, грешно так говорить. — С лёгкой укоризной заметил Дубов подливая коньяк в рюмку. — Сварога — то за Пуштунский поход получили? А Первозванного? Напомнить вам как я лично вот этими вот руками, вытаскивал одного подводного пластуна из воды, под грохот рвущихся кораблей турецкой эскадры? И я буду даже настолько любезен, что совершенно не вспомню одну занимательную историю в Пекине, когда некий офицер Особого Управления Генерального Штаба, умыкнул, из тщательнейшего образа, охраняемого поместья, не скрепку, заметьте, и не бумажку, а живого человека, и ухитрился переправил его обратно на Родину. Это ведь вам вовсе не помешало стать крупнейшим коннозаводчиком юга России. Да и ты, Адочка, если мне память не изменяет, не в Петербургском салоне, крестиком вышивала...

Боярин Белоусов, происходивший из семьи потомственных пластунов и выслуживший свой титул на полях сражений, весело переглянулся с супругой и рассмеялся.

— Ну сейчас — то, с кем воевать? Благо стараниями Государя нашего в державе и на окраинах все спокойно. Даже англы, проклятые после войны в Европе, голову не поднимают.

— Так и я не про войну говорю. — Согласился Дубов. — Пусть младшенький ваш тоже по миру поедит, да посмот-

рит, что и как устроено. Поверьте, старому моряку, от этого будет только польза и никакого вреда.

— А ты сам, Николенька, как считаешь? — Аделаида Демидовна с улыбкой посмотрела на сына.

— Да ну его, мам. — Боярич хмуро глянул исподлобья. — Дел невпроворот. Ещё к поступлению готовиться. Потом мы с ребятами из Казачьего кадетского взялись помогать восстанавливать окружное коневодческое хозяйство после пожара.

— А куда поступать собрался? — Боярин, собственноручно соорудив очередной «пыж», посмотрел на племянника.

— В агротехническую академию на механический факультет...

— В Царицыно? — Уточнил Дубов и улыбнулся. — Дельно. — Он коротко кивнул. — Юг России и Новороссия — золотое дно. Нужно только умело этим воспользоваться.

Разговор постепенно перешёл на зерновые цены, перспективы коннозаводства и завтрашний праздник, а Николай, посидев немного, откланялся, памятуя, о раннем подъёме, и предстоящей тренировке у Михалыча.

Весеннее утро российского юга, щедрое на солнце и запахи, врывавшиеся в распахнутое окно флигеля, где располагались комнаты Николая, разбудили лучше любого будильника. Он рывком отбросил тонкое одеяло шинельного сукна, и быстро одевшись вихрем слетел по узкой и скрипучей винтовой лестнице во двор.

Малая конюшня, где располагались лошади семейства, находилась совсем рядом. Заспанные конюхи только осматривали лошадей, когда Николай выметнулся из ворот на статном ахалтекинце огненно – рыжей масти и под одобрительными взглядами старых казаков, поднимая пыль, умчался вдаль.

Проскакав с две версты, остановился у заросшей тростником излучины Егорлыка, легко соскочил с жеребца и прислушался. Ветер, шелестевший тростником, едва слышное дыхание реки...

Он оставил жеребца, и бесшумно пошёл сквозь тростник, не надламывая хрупкие словно стеклянные стебли. Внезапно, обострившееся чутье заставило его рухнуть ничком, пропуская нечто летящее словно снаряд, над собой, и выпрямляясь, он уже держал в руке длинный узкий нож, дагестанской работы.

– Молодец. – Дядька Михалыч, бессменный воспитатель и наставник Николая с шести лет, широкоплечий мужчина высокого роста с совершенно седыми волосами, сделал короткое молниеносное движение, но готовый в принципе, к чему – то подобному, Николай чуть отпрянул и попытался нанести удар ногой в подмышечную впадину, но промахнулся и был с позором опрокинут на землю. К удивлению Николая, Михалыч не стал подтрунивать как обычно над «неуклюжестью человеческого детёныша» а вполне серьёзно подал руку, и помог встать.

– Неплохо. – Заметил бывший командир роты армейской разведки. – Только скорости все ещё не хватает. Пойдём.

Они прошли ещё метров сто вдоль реки и Михалыч остановился.

– У следующей излучины, вот там, – он показал зажатой в пальцах сухой травинкой, – небольшой шалаш. Человека зовут Костя Ночкин, или Костя – ночь.

– Тот самый? – Сердце у Николая забилося, словно после бега.

– Угу. – Михалыч кивнул. – В принципе, ты можешь его живым не брать. Дел за ним столько, что на него выписан «особый розыскной лист». Помни. Это настоящий зверь. Если он тебя достанет, не знаю, как твои родные это переживут. Все. Давай. – Он на прощание хлопнул Николая по плечу, и уселся на берегу, словно собирался просидеть тут вечность.

Михалыч не сказал Николаю, ещё очень многого. И того, что верный человек уже держит Костю – Ночь в перекрестье оптического прицела Дегтярёвского винтореза ручной работы, и то, какой скандал, их ожидает. Но, это он знал твёрдо, настоящего воина можно вырастить только так. Он натаскивал Николая с тех самых лет, когда неуклюжий и забавный словно медвежонок малыш, первый раз взял в руки оружие – малокалиберный револьвер Лебеля, и неожиданно быстрым движением вскинул его на уровень лица, и вхолостую щёлкнул курком два раза, целясь в пролетающую мимо муху.

Да, он, как продолжатель династии пластунов получал и

обычное казачье образование. Уход за лошадьми, разведка, захват пленного и многое другое. Но отец учил его ещё кое чему. Понимать и чувствовать людей, анализировать ситуацию на ходу, принимая решение, и давал очень подробные политические расклады по ситуации в Европе и Азии. Ну а мама тоже не отставала, знакомя сына с действиями различных веществ на организм, медициной вообще и полевой медициной в частности.

И не то, чтобы они хотели воспитать из сына что-то конкретное, но просто раз уж так карта легла, то дать ему дополнительные преимущества в жизни, было бы совсем неплохо.

Вернувшись к лошади, Николай тщательно проверил одежду и обувь, потом рассовал по неприметным кармашкам несколько полезных вещей, и легко взлетев в седло, тронул Огонька сначала рысью, а потом пустил галопом, направляя жеребца к той самой излучине, где хоронился известный на всю Россию конокрад и душегуб Костя – ночь.

– Стой! Стой кому говорят! – Ошалевший от того, что его тянули за уздечку, и давали шенкелей одновременно, ахалтекинец вылетел на небольшую полянку, и был остановлен крепкой мужской рукой.

Зрелище ломящегося сквозь кустарник жеребца, и мотающегося в седле молодого мужчины в мешковатой одежде, вовсе не напугало матерого бандита. Костя – Ночь, не мог не оценить великолепных статей коня, и поэтому решил вме-

шаться, вместо того, чтобы по обыкновению тихо исчезнуть в плавнях.

Дело в том, что в табуне, что успел набрать в здешних местах Костя, не хватало жемчужины. Украшения, что делает товар из просто хорошего – первоклассным. И вот, как раз, такая жемчужина сейчас скакала прямо на него, с непонятным недоразумением мотылявшемся в седле.

Огонёк встал напоследок на дыбы, гася скорость, и перевернувшись, Николай мешком упал на землю.

– Спасибо, господин. – Он с трудом поднялся с песка, отряхнулся и прихрамывая подошёл к конокраду, похлопывающему Огонька по морде. – А то этот зверь меня бы точно сегодня приморил. – Он успел увидеть не только хозяина шалаша, но и отметить его инстинктивное движение к голе нищу правого сапога, где у него практически наверняка был спрятан засапожник.

– Твой? – Коротко спросил Костя, чуть качнув головой в сторону жеребца и внимательно осмотрел коня, стоившего на рынке в Валахии не менее двадцати тысяч полновесных золотых цехинов.

– Да какое там! – Николай хмыкнул, потирая ушибленное при падении колено и контролируя боковым зрением руки конокрада. – Сынка хозяйского. Мне такого ни в жисть не взять. Обратно поводом поведу. Голова чай не казённая.

– А куда тебе торопиться? – Костя улыбнулся двумя рядами золотых зубов. Чаек вот поспел... Садись. А я тебе потом

слово заветное скажу. — Он заговорщицки ухмыльнулся. — Скажешь его и любая лошадь как шёлковая.

— Да? — Николай от удивления раскрыл рот и округлил глаза став похожим на деревенского дурачка. — А не врёшь?

— Да что, ты! — Костя улыбнулся. — Истинную правду говорю. Глянулся ты мне сразу, парень. А я людей за версту чую. Давай-ка я вот тебе чайку налью. С малиной! Он шагнул к костру, и нагнувшись к огню, опустил правую руку к голенищу сапога, где лежал старый ещё дедовский нож с узким лезвием.

Он резко взмахнул клинком метясь в то место, где была шея мальчишки, но вместо привычного шелеста испаряемой плоти в его голове коротко полыхнула вспышка, и через мгновение конокрад мягко осел на песок.

— Огонька уволочь задумал. — Николай деловито сматывал тонкую? плетёную из конского волоса? верёвочку, на конце которой висел тяжёлый стальной грузик кистеня. Потом достал из другого кармашка верёвку попрочнее, и специальным узлом связал руки локти конокрада, прихватив его шею петлёй на манер удавки. Потом подумал немного, и ещё одной верёвкой спутал Косте ноги.

— Порядок. — Похвалил он сам себя, и тихонько щёлкнув пальцами, подозвал Огонька. — Давай. Нужно отвезти это Михалычу.

Даже не оглянувшись на подъезжавшего человека, Михалыч на звук определил, что это Огонёк, и что идёт он под

двойным грузом.

– Порядок? – Для проформы спросил он, и легко встал.

– Да, дядько. – Николай улыбнулся.

– Ну и славно. – Михалыч подошёл к жеребцу и приподнял за волосы Костину голову. – Хорошо взял. – Прокомментировал он небольшой кровоподтёк на лбу конокрада. – Теперь вези его домой. Это будет твой подарок отцу на юбилей.

– А вы разве не поедете со мной?

– У меня дела... – Он повернулся, и шагнув в тростник, беззвучно словно тень пропал из виду.

Чуть удивившись, Николай направил Огонька в сторону усадьбы. Костя – Ночь, давно уже очнулся, и сначала пытался подкупить мальчишку, а потом перешёл к угрозам. Когда Николаю надоело слушать, про то, как с него снимут живьём шкуру, он, не нагибаясь, наотмашь, хлестнул конокрада ребром ладони под основание черепа, и остаток дороги проделал в тишине.

Двор усадьбы кипел от суеты, предшествующей любому крупному празднику. Увидев Николая со связанным человеком, переброшенным через седло, подскочил с немим вопросом начальник охраны конезавода.

– Пётр Сергеич! Этого на цепь, и глаз не спускать!

– Так это – ж... – Капитан в отставке Егоршин, задохнулся вглядываясь в лицо человека известного по тысячам листовок, распространяемых Главным Управлением Уголовного Сыска Империи.

– Пойду, батюшку обрадую. – Николай передал поводья подбежавшему конюху и поспешил в дом.

– Чего тебе, Николенька? – Отец как всегда, в этот час был занят работой с документами, и ничто, даже праздник по случаю его пятидесятилетия, не мог нарушить сложившийся годами распорядок дня.

– Я на минутку, пап. – Николай подошёл ближе. – Я тут тебе подарок привёз. Взглянуть не желаешь?

Боярин поднял голову от бумаг.

– Ну пойдём посмотрим. – Он неожиданно улыбнулся и потрепал сына по голове. – Чего ты там добыл.

С появлением боярина, работники во дворе, казалось, получили дополнительное ускорение, и забегали с немыслимой скоростью, что, впрочем, не помешало Белоусову с сыном, подойти к столбу, на котором повис в цепях Костя – Ночь.

Он, почувствовав внимание в себе, поднял окровавленную голову и криво ухмыльнулся щербатым ртом.

– Кто его так? – Качнул головой боярин.

– Прохор. – Начальник охраны виновато развёл руками. – У него – ж пять лет назад конокрады трёх лошадей увели. Если бы не вы, Александр Денисыч, вся семья бы по миру пошла. Вот и не удержали.

– Добавить, что – ли? – Задумчиво произнёс боярин, и зачем – то посмотрел на небо.

– Александр Денисыч, становой пристав уже едет. – Нейтральным тоном произнёс Егоршин. Он прекрасно понимал,

как именно может добавить тот, кого турки прозвали Элюмпаша, что можно было перевести как Господин Смерть.

— Ладно. — Белоусов кивнул. — Как придёт, сразу проводи ко мне. Хочу ему пару слов сказать. А то, зачастили к нам конокрады.

Праздник, собравший огромное количество гостей не только со всего юга России, но даже из столицы быстро утомял Николая, а особенно необходимость беседовать с каким-то нереальным количеством людей, спешивших представить ему очередную дочь или племянницу, причём обязательно с долгими рассказами о превосходных качествах девицы.

И для Николая, воспитанного бывшими армейскими разведчиками, столько было в этом легко читаемой фальши, во всём, даже в жестах и интонациях, что сохранить любезное выражение лица стоило немалых усилий.

Боярич, давно утоливший первый юношеский жар с уездной агрономшей, умелой, любвеобильной и к счастью замужней дамой, воспринимал ужимки и позирование потенциальных невест как фиглярство, а когда они довольно бесцеремонно тащили его танцевать лишался последних крох самообладания.

Наконец ему удалось вырваться из липких объятий общества, и юноша оказался на широком балконе третьего этажа, откуда открывался замечательный вид на поля, окружавшие

усадыбу и реку, сверкавшую серебром в лунном свете. Не боясь испачкать праздничный кафтан, он прислонился к мрамору балюстрады и глубоко вздохнул ночной воздух. Более всего сейчас он хотел бы оказаться там, в ночной степи с табуном лошадей, наедине с Природой, которая не умела лгать и притворяться, а самое главное даже не подозревала о существовании в мире фальши и корысти.

Как единственный наследник громадного двадцатимиллионного состояния, он уже привык к тому, что вокруг постоянно вертятся светские сводницы в окружении целой свиты молоденьких девиц. Но к такому напору как сегодня готов не был, и бояричу не скоро удалось вернуть спокойствие духа.

Здесь его и нашёл Алексей Демидович Дубов одетый по случаю праздника в парадный адмиральский мундир, сверкающий золотом шитья и наградами, среди которых был даже Андрей Первозванный и ордена Святого Георгия – Победоносца всех четырёх степеней.

Боярин коротко кивнул племяннику и вытащив из кармана брюк небольшую трубку стал, не торопясь, набивать её ароматным царьградским табаком.

– Я знаю, что ты принимаешь самое деятельное участие в работе юнацкого казачьего корпуса? – Коротко вспыхнула спичка, осветив на несколько секунд обветренное и жёсткое лицо старого моряка. – Корпус уже немало сделал для нашей земли, но насколько я знаю, денег, что вы собираете на благотворительных вечерах и по подписке, не хватит даже на

строительство самих конюшен, не то что на закуп лошадей.

– Наказной атаман Туголуков обещал помочь с лошадьми. – Николай, не отрывая взгляда от ночной степи кивнул. – А насчёт конюшен... так и Москва не сразу строилась.

– Ещё я знаю, что ты сам хотел организовать свои механические мастерские?

– Да, хотел. Только вот когда всё посчитал, получилась цифра совсем несуразная. Больше двухсот тысяч рублей. – Николай усмехнулся. – Так что боюсь, купцам Никаноровым конкуренция пока не грозит, хотя их трактора по сравнению с теми же Блиновскими просто никуда не годятся. Тринклера¹ куда лучше приспособлены для тяжёлой техники чем бенцы². – Говорить на тему двигателей и техники вообще, Николай готов был часами, но замолчал, вопросительно глядя на дядю. – Но вы ведь не просто так мне это говорите?

– Разумеется. – Адмирал кивнул и пыхнул дымным облаком. – В своё время, как ты знаешь, я имел некоторое отношение к делам флота, а точнее флотской разведки, и под видом купца посетил почти все крупные города проводя денежные операции, под час весьма рискованные. Так уж случилось что в нескольких из них остались лежать мои личные средства, которые накопились с годами и сейчас составляют

---

¹ Тринклер – в этом мире дизельный двигатель, по фамилии его изобретателя Тринклера Густава Васильевича.

² Бенц – в этом мире бензиновый двигатель по фамилии его изобретателя – Карла Фридриха Михаэля Бенца.

изрядную сумму. В Берлине около трёх миллионов, в Париже почти миллион, ну и так далее. Но снять их можно только лично, поскольку таков характер депозита. Я предлагаю тебе совершить кругосветное путешествие и собрать эти деньги. Пусть это будет мой подарок на твоё совершеннолетие. Деньги можешь потратить по своему разумению. Мне они уже не нужны, подмосковное имение и бумаги Первого товарищества железных дорог, дают больше чем я смогу потратить. А ты, как я полагаю, сможешь найти этим средствам достойное применение. Документы я оставил твоему отцу. — С этими словами Алексей Демидович хлопнул тяжёлой ладонью по плечу Николая и окутавшись напоследок дымом вернулся в дом.

Всё происшедшее настолько выбило Николая из колеи, что остаток вечера он был в глубокой задумчивости, окончательно потеряв последние крохи интереса к девицам, за что и заработал репутацию законченного мизантропа и буки.

Состоявшийся утром следующего дня разговор с отцом тоже не добавил спокойствия, так как боярин Белоусов оставил окончательное решение за самим Николаем, а мама лишь потрепала сына по голове, и молча удалилась к себе, что было явным признаком плохого настроения.

В полном смятении Николай провёл несколько дней, пока не вернулся его наставник Михалыч, который со всей прямотой и чёткостью обрисовал ситуацию.

– Деньги значит он оставил тебе немалые. – Устроившись на невысоком холмике, откуда открывался замечательный вид на реку и степь, отставной капитан жевал травинку и задумчиво глядя вдаль, словно вбивал гвозди в мозги ученика, короткими рубленными фразами. – И всего – то делов – объехать полмира.

– Но как же поступление? – Попытка отбиться была пресечена Михалычем в корне.

– Помнишь, что я тебе говорил об оружии? Оружие – это, прежде всего ответственность и инструмент. О деньгах можно сказать то же самое. Сколько хороших и правильных дел можно сделать на такие деньги я даже затруднюсь сказать. У нас, конечно, никто не голодает, но в помощи нуждаются многие. И ты уж сам решай, готов ты для того чтобы получить такой инструмент, и взвалить на себя такую ответственность. Дядька твой конечно слегка лукавит, по поводу того, что не может сам перевести деньги в Империю, но тебе – то разницы никакой. И не давай своим страхам тобой командовать. Воспринимай это как поездку на ярмарку.

Когда Николай ушёл, Михалыч ещё посидел, размышляя о превратностях судьбы, а потом подозвав Грача – вороного ахалтекинца, не касаясь стремян взлетел в седло и развернув коня пошёл неспешной рысью в станицу Луговую, где у него было собственное хозяйство. Собираться в дорогу.

2 глава

*Дорога в тысячу ли начинается с одного шага.
Хранитель имперского архива династии Чжоу
Лао Цзы.*

Воздушный транспорт бывший диковинкой ещё тридцать лет назад, сегодня уже прочно завоевал сердца публики, превратившись из экзотики в простое, надёжное и безопасное средство для путешествий и поездок, отняв пальму первенства у железной дороги, которой пришлось привлекать новые источники дохода.

Да, железные дороги, а особенно магистральные поезда, несущиеся со скоростью в сто километров в час, могут перевезти куда больше груза и намного дешевле, но не везде есть железная дорога, и не везде есть даже дорога обычная, а в России с её бесконечными просторами вопросы дорог, и доставки грузов остаются актуальными и по сей день. И там куда ещё не пришла цивилизация в виде железнодорожных путей, эту цивилизацию успешно приносят аэролёты быстро и безопасно доставляя всё необходимое.

Сейчас, воздушный транспорт доставит вас в любой губернский центр, с впечатляющей скоростью восемьдесят километров в час, и комфортом, который ненамного меньше чем на железной дороге. Но кроме того, аэролёты предоставляют публике ни с чем не сравнимое

*удовольствие наблюдения за землёй с высоты
птичьего полёта, и приобщения к самым последним
новинкам цивилизации.*

Журнал Вокруг Света 20 апреля 1920 года.

Российская империя, Граница земель Войска Донского и Ростовской губернии, Имение боярина Белоусова.

Провожали Николая всей усадьбой. Многочисленные раб-
ботники, стояли поодаль и судачили о причинах столь спеш-
ного отъезда, а родители, обнявшись и перекрестив двумя
перстами, молча проводили взглядом автомотор, в котором
уезжал в мир их единственный сын. Все слова уже были ска-
заны ещё вчера, все напутствия, инструкции и советы даны,
и сегодня осталось лишь смотреть, как оперившийся сокол-
лёнок покидает родное гнездо. Господь не дал супругам Бе-
лоусовым детей кроме Николая, и это весьма их печалило.
Но брать из детского дома малыша они не хотели. За ма-
ленькими детьми всегда выстраивалась такая очередь, что
неизбежно возникали скандалы и попытки интриговать про-
тив соперников, а боярин очень не любил склок, поэтому от
имперского управления попечительства, старался держаться
подальше.

Подождав пока коляска скроется из виду, боярин и бо-
ярня, всё так же обнявшись, не торопясь вернулись в дом.

Блиновская Арба – шесть была новейшим автотомотором с мощным шестидесятисильным двигателем Бенца, и могла двигаться со скоростью почти в восемьдесят километров в час. Шофер – совсем молодой парень в кожаной куртке, и модной фуражке – шестиклинке, гордо восседал на своём месте, и даже передачи переключал с какой – то лихостью, словно рубал шашкой головы супостатов. Но Николаю было не до наблюдений. Тяжело воспринимая разлуку с отцом и матерью, он смотрел в никуда, гоня от себя дурные мысли.

Совсем о другом думал сорокалетний капитан в отставке – Александр Михайлович Платов, оставивший дома маленькую дочь и молодую жену. Он никогда не поддерживал решения воспитанника идти учиться на инженера – механика, и теперь искренне полагал, что оторванный от привычного окружения он изменит свою жизнь и займётся чем – то более подобающим для сына такого человека как отставной полковник генерального штаба Белоусов. В качестве такой карьеры Платов видел прежде всего военную стезю или на худой конец службу по линии контрразведки. Но тут уже его оппонентом выступал сам боярин Белоусов, не желавший сыну повторения той тяжёлой судьбы как у него самого, когда жизнь много десятков раз висела на тончайшем волоске.

А мама Николая – Аделаида Демидовна, закончившая в своё время Высшую Императорскую Академию имени маршала Грибоедова не принимала участия в спорах, справедливо полагая, что только жизнь расставит всё по своим ме-

стам.

Проскочив по новой асфальтовой дороге около ста километров, коляска с шиком подкатив к зданию Ростовского аэровокзала остановилась, и мгновенно подскочившие грузчики остановились возле машины ожидая появления многочисленных чемоданов и коробок. Но вместо этого, молодой человек вышедший из машины, достал из багажного отсека лишь два вместительных кофра и один чемодан, улыбнулся оторопевшим носильщикам, легко поднял груз и зашагал ко входу в вокзал над которым уже бугрилась, туша рейсового аэролёта Ростов-Донской – Киев. Новенький, только что со стапелей заводчика второй гильдии³ Циолковского, дирижабль сверкал серебристой тканью обшивки и уже прогревал все шесть бенцев обеспечивающих его ход.

Взвесив багаж, и получив разрешительные бирки на оружие, Николай и Александр поднялись на элеваторе наверх, где уже стоял представитель Воздухофлота – высокий статный офицер в белоснежном мундире с золотыми пуговицами и вышитый таким же золотым позументом. Билеты у Николая были в первый класс, так что им не пришлось подниматься на самый верх пассажирской гондолы, где находились места второго и третьего классов. Впрочем, разница была лишь в расстоянии между креслами, их удобстве и пи-

---

³ В этом мире кроме гильдии купцов существует гильдия заводчиков, как часть торгового сословия.

тании на борту. Хорошенькая, как и все стюардессы Воздухофлота, девушка с золотыми кудряшками, обрамлявшими миловидное лицо под голубой с золотым кантом пилоткой, и в облегающей, на грани приличия, голубой униформе, проводила их к местам возле огромного иллюминатора через который была видна земля и кусочек здания вокзала.

– Если господам будет что – то угодно, кнопка вызова стюарда находится в правом подлокотнике. – Девушка очаровательно улыбнулась, а Александр Михайлович, который за время службы налетался, наездился и наплавался на пять жизней, молча кивнул, сразу же снял пиджак и укрывшись пледом, высказал пожелание беспокоить его только в случае авиакатастрофы, отключился прямо в кресле. Николай, же которому всё было в новинку, присоединился к группе пассажиров, которым устроили экскурсию по внутренностям воздушного левиафана.

Та же девушка, что проводила Николая к его месту, уверенно двигалась по воздушному кораблю, ведя пассажиров в корму, где располагались корабельные механизмы, давая по ходу путешествия пространные и точные ответы на все возникающие вопросы. Брючный костюм лазоревого цвета прекрасно гармонировал с золотыми волосами стюардессы, и Николай несмотря на искренний интерес к технике больше любовался стюардессой чем слушал.

– Рада приветствовать вас на борту рейсового аэролёта Ласточка открытого товарищества Воздухофлот. Корпус на-

шего корабля изготовленный по проекту ректора Нижегородской Инженерной академии Шухова, на аэролётлётных верфях заводчика второй гильдии Константина Циолковского, представляет собой жёсткий каркас из новейших лёгких сплавов, обшитый специальной тканью и заполненный газовой смесью из гелия и водорода. Общая длина корабля сто пятьдесят восемь метров, диаметр в самой толстой части – шестьдесят метров. Осторожно! – Она ловко подхватила за локоть полноватого господина в сером дорожном костюме не удержавшегося на крутой лесенке, и улыбкой продолжила рассказ.

– Шесть моторов типа «бенц» могут разогнать аэролёт до скорости сто двадцать километров в час, но для удобства пассажиров и их безопасности мы будем лететь со скоростью в восемьдесят пять километров в час, что является рекордом на линии Ростов-Донской – Киев.

– А обед, когда? – Поинтересовался тот самый господин, что поскользнулся на лестнице.

– Обед будет сервирован на смотровой палубе в двенадцать, ужин в восемнадцать часов. Перекусить вы сможете в любое время в буфете, который находится там же, на обзорной палубе. А теперь я попрошу вас пройти дальше, в малую смотровую, откуда мы сможем увидеть рубку управления. – Она сделала жест рукой и пошла, чуть покачивая бёдрами в слегка обтягивающих брючках, вызывая бурное слюноотделение всех мужчин и молчаливое осуждение женщин.

Больше всего Николая впечатлил навигационный комплекс, смотревший на землю глазком оптической телевизионной системы и отображавший изображение на большом экране в рубке. Штурману оставалось лишь наложить на экран соответствующий лист карты и на прозрачной плёнке поверх карты разметить маршрут.

Николай читал о телевизионном устройстве Ройзмана и даже видел на ярмарке в Ростове – Донском демонстрационный образец. Но не предполагал, что между ярмарочной забавой и реальным прибором пройдёт так мало времени. Кроме этого, все аэролёты были оборудованы радиотелеграфом и радиотелефонной связью, и можно было отправить телеграмму, или телефонировать прямо с борта, чем частенько пользовались крупные промышленники и купцы, ни на минуту не отрывающиеся от управления предприятиями.

Конечно, комфорт «Ласточки», не шёл ни в какое сравнение дирижаблями класса «Россия» ходивших от Москвы до Берлина, Парижа и Лондона или «Империи», работавшей по маршруту Москва – Владивосток – Порт Артур, с остановками во всех крупных городах по трассе. Там были душевые, спальные комнаты, музыкальный салон и даже визиограф. Именно на аэролёт класса «Россия», у Николая и его наставника были билеты из Киева, так что ему вскоре предстояло лично увидеть все те чудеса, которые были подробно описаны в цветном иллюстрированном журнале Наука и Техника, выписываемым им с восьми лет. Даже на его короткой

памяти, технологии, словно получив дополнительное ускорение, резко рванули вперёд, достигнув потрясающих успехов. Визиограф – удивлявший людей ещё десять лет назад, стал обыденным явлением вместе с передвижками Имперского управления просвещения. Телефон, радио, и системы телевидения прорывались в жизнь, изменяя её на глазах и привнося в обыденность некий элемент фантастического романа.

Успокоился Николай лишь когда облазил всё, что было доступно для пассажира, и поскольку совсем не устал, прихватил у стюарда пачку свежих газет и журналов в которой оказались кроме российских, несколько немецких, английских и даже пресса из Америки. Языки он знал довольно прилично, так как мама великолепно владела шестью языками, а папа к трём основным европейским знал ещё несколько азиатских, так что Николай бегло читал и говорил на десятке языков и мог объясниться ещё на трёх.

Бегло пролистав, немецкий «Друг семьи», и «Вестерманус монатсефте», потом так же быстро просмотрев английские «Обозреватель» и «Панч», перешёл к французским «Паризьен», и «Ревью де монд». Везде за редкими исключениями были патриотические лозунги и статьи о восстановлении мирной жизни, хотя после опустошительной двенадцатилетней войны, когда от Парижа фактически остались лишь руины, а Лондон приходил в себя после штурма германского экспедиционного корпуса, всё попытки улыбаться, выгляде-

ли довольно натужно. Война кончилась всего два года назад, и все страны, втянутые в мировую бойню, только приходили в себя пытаясь понять, что же это было, и зачем вообще нужна была столь кровавая мясорубка. По итогам войны в победителях, причём довольно условно, числился лишь Второй Рейх, отвоевавший Эльзас, Лотарингию, Судеты и часть Австрийской империи, а именно Чехию и часть Великопольского королевства, после чего от Польши остался небольшой огрызок между Россией и Вторым Рейхом без выхода к морю.

Жестокость войны превышала всё, что было до этого в разы. Газовые бомбардировки Парижа и концлагеря в корне изменили представление человечества о допустимом и невозможном в ходе боевых действий. Теперь «война на уничтожение» не казалась чем – то диким, и далёким, и все страны ринулись наращивать химический потенциал, а также калибр артиллерии.

Россия в той войне, уже прозванной журналистами «Великой» отделалась боями вдоль границы Великопольского Королевства, и схватками в воздухе, когда асы георгиевского кавалера Нестерова устроили бойню над Львовом, за неделю уполовинив германскую авиацию на западном фронте, но не стали переходить в наступление, оставшись на границе империи. И никакие крики европейских правителей ни угрозы и попытки подкупа не поколебали позиции императора Сергея.

– Это не наша война и не наши заботы. – Отрезал он в разговоре с французским послом, и более на эту тему не разговаривал ни с кем, несмотря на неоднократные попытки втянуть Россию в новый передел мира.

Поэтому Европа, зализывавшая раны после очередного передела земель, сейчас выглядела довольно печально. Чудовищные людские и материальные потери, полностью разрушенная инфраструктура, и фантастические долги, отдавать которые придётся ещё много десятилетий.

Отложив иностранные журналы, Николай принялся за российские, и зачитался так, что почти прозевал появление воздушной феи, приглашавшей их на обед.

Михалыч мгновенно открыв глаза словно и не спал вовсе, и накинув пиджак подтянул галстук. Кивнув своему отражению в ростовом зеркале на переборке, оглянулся на Николая.

– Готов? Вперёд.

Воздушная кухня не блистала изысканностью и разнообразием, но была вкусна и питательна, так что Николай смахнул свою порцию в один миг, и задумчиво оглянулся.

– Буфет за перегородкой, – буркнул его спутник, продолжавший сражаться с куриной грудкой, но попытку боярича встать, решительно прервал распорядитель стола.

– Простите, я вижу, вам малы наши порции? – Мужчина в синем мундире средних лет с едва заметной улыбкой посмотрел на практически чистые тарелки, и сделал знак официантке. – Клавдия Петровна. Принесите ещё одно второе,

и сделайте порцию побольше. Негоже оставлять гостя голодным.

После добавки, Николая разморило, и он, едва добравшись до места, успел лишь снять пиджак, и провалился в глубокий сон.

В Киев они прибыли, когда солнце уже давно скрылось за горизонтом. Аккуратно ткнувшись носом в причальную мачту, которых на Киевском аэропорте было более десятка, аэролёт заглушил двигатели, и замедленные после долгого перелёта пассажиры потянулись на выход.

Николай и его наставник подождали, когда схлынет основной поток и тепло попрощавшись с улыбочивой стюардессой вышли на всё ещё тёплый бетон аэропорта.

– Так. – Александр достал толстое портмоне и раскрыв вынул из бокового кармашка квитанцию о предварительном заказе билетов на «Белоруссию». – У нас посадка через три часа. Можем покемарить в зале ожидания, или посидим в ресторане. – Он вопросительно поднял брови.

– Лучше в ресторане. – Николай у которого ужин давно уже переварился без остатка машинально облизнул губы и оглянулся.

– Не там смотришь. – Михалыч кивнул на центральную башню аэровокзала, которая возвышалась над причальными мачтами на добрых двадцать метров, и была гораздо больше по площади. – Главная достопримечательность Туруханова острова – ресторан – варьете «На небесах». Имеет сла-

ву злачного места, хотя и кухня, как говорят, выше всяких похвал.

Когда они подошли к подножию башни, их встретила толпа страждущих попасть на представление гастролирующей французской труппы варьете, но Александр предъявил квитанции, и их как пассажиров Воздухофлота пропустили без очереди.

Мелькание худосочных ляжек, в облаке из сверкающей мишуры вовсе не вдохновило Николая занятого поглощением еды, хотя девицы счастливые тем, что вырвались из голодающей Европы, вскидывали ноги так, словно хотели пробить туфельками расписной потолок ресторана.

– А теперь прошу поприветствовать нашу очаровательную гостью, мадам Сюри⁴!

Заезжая певичка действительно была стройной и миниатюрной словно статуэтка, но голос у неё – мощный, чуть хрипловатый и богатый обертонами, завораживал так, что Николай отставил тарелку, и развернулся к сцене, освещённой лишь парой прожекторов.

И пела она не о любви, а о воскресном утре, наполненном светом и жизнью.

Oh! les éveils des bourgades sous l'or des branches,
Ou courent la lumière et l'ombre – et les roseaux
Et les aiguilles d'or des insectes des eaux

---

⁴ Souris (фр.) мышка

Et les barres des ponts de bois et leurs croix blanches.⁵

Благодаря мадам Сюри, три часа пролетели словно один миг, и на борт «России», путешественники поднялись во вполне благодушном настроении, а пройдя в свою каюту, тут же улеглись спать.

Тысячу двести километров от Киева до Берлина аэролёт преодолел за двенадцать часов, и в полдень Николай и Александр уже спускались по лестнице в хмурое берлинское утро.

Знаменитый ордунг был замечен с первых шагов по немецкой земле, и служащий в серой форме Люфтфара⁶ – германской службы авиаперевозок, проводил их к стойке таможенника, где двое пограничников быстро просмотрели багаж, выписали документы на оружие, и опечатав пистолеты в пакетах из толстой бумаги, пожелали им удачного дня в столице Рейха.

Несмотря на несколько попыток разбомбить Берлин, город хорошо сохранился, в основном благодаря тому, что на каждом высоком здании располагалась зенитная батарея счетверённых пулемётов MG 05. Но даже те здания, что были разрушены попаданиями трёхсоткилограммовых бомб с английских Альбатросов, были уже убраны, а в некоторых

---

⁵ О пробужденье на заре в янтарном свете! Весёлая игра теней, и тростники, И золотых стрекоз полёты вдоль реки, И мост, и солнца блик на белом парапете! Эмиль Верхарн. Воскресное утро. Перевод Е. Полонской

⁶ От немецкого luft-fahrer – Воздушный всадник

местах даже возвышались новые дома.

Всё это Николай и Александр увидели из окна комфортабельного такси, быстро домчавшего их до Рейхсбанка, который принял все дела после разорившихся в результате войны финансовых учреждений, и с некоторых пор был единственным банком на территории Рейха.

Огромное серое здание с колоннадой и имперским орлом на фасаде, возвышалось над площадью словно утёс. Пройдя площадь, на которой кажется не было ни соринки, они вошли в огромный будто ипподром холл, и не прошло и пары минут, как Николай со своим спутником уже сидели в кабинете одного из управляющих.

Тот быстро просмотрел бумаги на вклад, и прижал клавишу селектора.

– Герр Хольцман, прошу вас подойти. – Он успокаивающе кивнул Александру которого посчитал главным, и спросил. – Желаете снять наличными?

– Три миллиона наличными? – Николай усмехнулся. – А нет возможности отправить эти деньги в Первый Имперский банк России?

– Разумеется. – Господин Шульц посмотрел на клерка, вошедшего в кабинет. – Хольцман. Оформите перевод с этого счёта в русский Первый Имперский. – И снова повернулся к гостям. И всё же, я советую вам снять хотя бы часть наличными. У нас лучший обменный курс в Европе. Мы можем перевести их в доллары или фунты, по вашему усмотрению.

– Хорошо. – Николай, тщательно проинструктированный Александром кивнул. – Пусть будет тысяча в долларах, тысяча в фунтах, две тысячи рейхсмарок, и тысяча фунтов в именных чеках компании Том Кук.

– Отличный выбор. – Банкир наконец понял распределение ролей в этой странной паре и теперь обращался исключительно к Николаю. – Возможно, господа захотят кофе, или чего-нибудь перекусить с дороги? Рядом прекрасный ресторан Ганса Хильдемана, и мы можем принести сюда всё что вы пожелаете.

– Полагаю обедать нужно в ресторане, а в банке заниматься деньгами. – Николай улыбнулся.

– Это правильно. – Банкир с улыбкой кивнул, и начал считать на механическом вычислителе поглядывая в бумажки. – Ну вот. Основной вклад и часть процентов, как я уже говорил, вам переведут в Первый имперский, а проценты, частично будут выданы наличными согласно вашим рекомендациям. Всего у вас будет четыре миллиона шестьсот тридцать пять тысяч двести восемнадцать рейхсмарок, или три миллиона сто пять тысяч триста шестьдесят один рубль. Копейки округлены до рублей в вашу пользу. – Он снял трубку телефона. – Господин Риттер? Это Шульц беспокоит. Не могли бы вы подняться ко мне для оформления дорожных чеков? Спасибо. – Он поднял глаза на Николая. – Это представитель Тома Кука, и он оформит все необходимые бумаги.

Через час, Николай вышел из банка вполне богатым человеком, но этот факт никак не взволновал его. Больше всего его сейчас занимало то, как добраться до Парижа, имея в виду тот факт, что прямого сообщения до сих пор не существовало.

– Пойдём поедим? – Михалыч никогда не упускал возможность подкрепиться поэтому взглядом уже искал тот ресторан, который так настоятельно рекомендовал ему банкир.

– Может, лучше выясним, что с транспортом?

– А что с транспортом? – Александр пожал могучими плечами. – Доедем поездом до Брюсселя, оттуда до Парижа. Потом два варианта. Или пароходом Голд Стар лайн из Марселя, до Нового Орлеана, или из Лондона. Но я бы не рекомендовал через Лондон. Островитяне сильно не любят русских, и возможны провокации. Тем более что из Марселя через два дня отправляется не простой пароход, а целый плавающий город. Лайнер класса Олимпик. А из Нового Орлеана поездом до Лос-Анжелеса и далее опять пароходом до Токио. Или можно выйти в Нью – Йорке, и добраться дирижаблем до Чикаго, откуда опять-таки поездом до Лос-Анджелеса.

– Так утонул же, Олимпик. – Николай с интересом посмотрел на наставника. Насколько он знал, Александр Михайлович был сторонником безопасности во всём и просто так никогда на рожон не лез.

– Утонул пароход Олимпик, а второй в этой серии, плавает вполне успешно. – Невозмутимо ответил Александр. – Это Титаника. Выпущена чуть позднее и с полностью герметичными переборками. Я уже заказал нам места в первом классе. Кроме того, трасса после катастрофы была перенесена южнее и туда айсберги уже не заплывают. Жаль конечно, что ещё не открылась регулярная линия Цеппелинов, но и так я думаю будет неплохо. Кстати на Титанике вместе с нами будет сама Анастасия Романова.

– Боярышня Романова? Звезда русского балета? – оживился Николай. – На гастроли, наверное?

– Да уж не на жительство. – Николай кивнул головой и глазами показал на двери под вывеской на которой раскачивалась стилизованная пивная кружка в окружении венка из сосисок. – Думаю заведение герра Хильдемана здесь.

Поскольку поезда на Брюссель ходили через каждые четыре часа, заночевать решили там же, и уже через непродолжительное время поезд мчал их по разорённой войной Европе. Виды разрушенных деревень и городов так тягостно повлияли на Николая, что он предпочёл даже задёрнуть шторы на окне, чтобы не смотреть на руины и толпы побирушек на вокзалах. И в который раз помолился за здоровье Императора Сергея, не давшего втянуть Россию в мировую бойню.

Парижский Северный вокзал – Gare de Nord, несмотря на

раннее утро, был весь в лесах, по которым сновали многочисленные рабочие. Артиллерийский обстрел города, который вели немецкие батареи на протяжении двух недель, привёл к тому, что город было проще отстроить на новом месте чем восстанавливать, но в дело вмешалась большая политика и опять назанимав денег, новое правительство ударными темпами приводило дома и улицы в порядок, не забывая про свой интерес.

Уворачиваясь от бочек с извёсткой и штабелей досок, Николай и Александр прошли к стойке таможенника и пройдя весьма формальный досмотр, уже через несколько минут сидели в фиакре, который вёз их в Французский Банк, где Дубовым был открыт счёт.

Пожилой клерк в слегка мятом костюме бегло просмотрел документы и собрав в стопу положил на край стола поближе к Александру.

– Сожалею, но выдача по этому депозиту невозможна. – Управляющий снял небольшие очки в круглой оправе и стал тщательно протирать их тряпочкой. – Все выплаты заморожены решением правления банка. Возможно через какое – то время...

– Как странно. – Произнёс Александр на хорошем французском и сочувственно улыбнулся. – Ваши немецкие коллеги оказались куда честнее. Просто выплатили всю сумму, хотя она была куда больше чем ваша. Видимо особенность национального мышления, не находите?

Вместо ответа работник банка побагровел, и словно пуля выскочил из приёмной.

Для француза, услышать подобное про немцев, отвоевавших значительную часть Франции было поистине ужасным, тем более от русского, которые не пустили Второй Рейх даже на порог своего дома.

Александр и Николай молча переглянулись. В общем можно было и не затевать скандал, сумма действительно была невелика, и её можно было востребовать через межбанковский пул в Швейцарии, но в каком-то смысле это было делом принципа.

Через десять минут клерк вернулся, но не один, а в сопровождении пожилого седовласого господина в визитке, и пятнышком ордена почётного легиона на лацкане.

– Господа желают снять наличными? – Спокойно осведомился мужчина, и водрузил на нос пенсне в золотой оправе.

– Думаю простого перевода в Имперский банк России будет достаточно. – Николай чуть склонил голову. – Реквизиты счёта в документах что у вас в руках.

Покинув банк через полчаса, они прошли по разорённому войной городу отмахиваясь от назойливых торговцев и проституток и после посещения оружейного магазина, не сговариваясь направились на вокзал откуда уже через три часа отбыли поездом в Марсель.

3 глава

Актрисы заводятся даже в самых приличных семействах.

Владимир Иванович Немирович – Данченко
Театральный деятель.

Эмблема нашего времени – подвижность. Подвижность капиталов обеспечивает наиболее выгодное их применение и сейчас уже нет необходимости везти в дальние колонии тонны золота, а подвижность людей, обеспечивает их использование в наилучшем виде, там, где это необходимо.

Скорость оборотов капитала и товаров усилилась многократно, и уже быстроходные суда с турбинами Парсонса развивают более тридцати километров в час, дирижабли разгоняются до ста двадцати, доставляя грузы с самой окраины мира, а поезда двигаются не менее шестидесяти. Драгоценные ткани Индии и Хань, мясо из Южной Америки, и даже экзотические фрукты из Африки, теперь уверенно заняли торговые склады и полки магазинов.

Но наряду с положительными сторонами, есть и отрицательные, так как пришлось выстраивать систему промежуточных складов, обмена валют, охраны торговых путей и медицинского контроля, чтобы опасные болезни не распространялись со

Французская республика. Марсель. Пассажирский порт.

Титаника уже стояла на причале, принимая многочисленных пассажиров, припасы и уголь, поэтому прямо с вокзала путешественники проследовали в порт, где, находился гигантский лайнер. Видно его было уже с прилегающих к порту площадей. Чёрный борт возвышающиеся над водой почти на двадцать метров, и белоснежная надстройка с высокими трубами выглядели словно огромное здание, которое почему – то решили построить на воде.

В нём не было даже намёка на аскетизм свойственный транспортным средствам. Огромные прогулочные палубы, гимнастический зал, рестораны, кафе, курительные салоны, всё было тщательно отделано резным деревом, начищенной до золотого сияния бронзой и ярко освещено электрическими лампами. И всё это великолепие могло двигаться со скоростью около сорока километров в час, что для океанского судна было весьма быстро.

Получив в портовой конторе билеты, отпечатанные с большим искусством типографским способом, поднялись на борт, где расторопные стюарды сразу приняли их багаж и проводили к просторной трёхкомнатной каюте на палубе «А» с большими окнами и роскошной резной мебелью.

– На каком языке господа желают разговаривать? – Осведомился на ужасном русском старший стюард, держа в руках небольшой блокнотик, куда он записывал пожелания пассажиров первого класса.

– Всё равно, – отозвался на английском Николай. И тут же перейдя на французский спросил. – А боярышня Романова, уже вошла на борт?

– Насколько я знаю, сегодня с утра грузили реквизит, декорации и какой – то багаж. – Помедлив ответил стюард на английском, которым владел несравненно лучше. – Думаю, она или уже на борту, или вот – вот поднимется. Минуту. – Он шагнул к массивному телефону из красного дерева и бронзы, стоящему на специальной тумбе, и поднял трубку. – Алло? Центральная? Главного стюарда. Мистер Демиан? Пассажиры из восемнадцатой интересуются, поднялась ли госпожа Романова на борт. Хорошо, жду. Он постоял какое – то время, прижимая рубку к уху, и через несколько секунд кивнул невидимому собеседнику. Понял, спасибо мистер Демиан. – Повесил трубку на рычаг и кивнул. – Да сэр. Они уже на борту. Каюта двенадцать. Ваш стол номер восемь, так что в ресторане госпожа будет сидеть совсем рядом. Её стол номер семь.

– Спасибо. – Александр подал стюарду десятипфенниговую монету и повернулся с немим вопросом к Николаю.

Тот правильно поняв наставника задумался на несколько секунд.

– Вымыться, переодеться и можно пойти погулять.

Ещё не ушедший стюард сразу оживился словно автомат, в который бросили деньги.

– Пассажирам первого класса доступны все прогулочные палубы, салон на палубе «Б», и многие другие заведения. – Он достал из-под телефона маленькую брошюрку – путеводитель, протянул Николаю и получив вторую монетку наконец – то испарился.

Прогулка по кораблю, огромному, словно город, потрясла Николая до глубины души. Но не сколько роскошь, которая буквально кричала с резных позолоченных потолков и балюстрад, но скорее уровень технического мастерства и инженерного искусства, позволившего создать подобное чудо. Взяв в провожатые одного из стюардов, они побывали почти во всех значимых уголках парохода, включая радиорубку и машинное отделение, где стояли огромные в три этажа паровые машины, приводившие в движение судно.

На обеде Николай наконец увидел собственными глазами боярышню Анастасию Романову которая оказалась худенькой стройной девушкой чуть выше среднего роста с ярко – голубыми глазами и мягким улыбчивым лицом. Она сидела в компании худого высокого мужчины в сером костюме с бархатными чёрными отворотами, и ещё трёх мужчин мощной комплекции, которые совсем не принимали участия в разговоре, а лишь молча сметали с тарелок то, что приносили юркие словно рыбы стюарды.

То, что дочь пусть и не самого родовитого, но всё же боярина, Романова, служившего в Гвардии, танцевала на сцене, было конечно нарушением некоторых общественных норм, но женщины активно взламывали старые порядки, служа в армии, разведке, и даже во флоте. Кроме этого разрушительная война в большой степени повлияла на слом старой морали, и женщины стали и по-другому одеваться, и вообще вести себя куда более свободно.

На первый взгляд звезда русского балета оказалась совсем не такой как представлял себе Николай, который до этого видел знаменитую балерину лишь на неважные качества газетных фотографиях.

Девушка со скучным выражением лица поела какой – то салат, вполуха слушала, что – то выговаривающего ей представительного мужчины видимо антрепренёра.

– Достаточно, Анатолий. – Девушка вдруг вскинула голову, и твёрдо посмотрела на худого. – Вы мне не матушка чтобы устраивать ежедневный реприманд. В конце концов, это только моё дело и ничьё другое. Я вам кажется, не давала повода думать, что вмешательство в мои личные дела будет вашей заботой, а раз так, потрудитесь умерить свой пыл, и направить его на выполнение своих прямых обязанностей. Последний контракт в Италии, был откровенно грабительским, и я давно жалею, что приняла вас как своего антрепренёра.

Она встала, но была неожиданно остановлена рукой ан-

трепренёра.

– Сядьте! – Тонкие губы на его лице сжались так, что стали почти не видны. – Вы будете делать то, что я вам скажу, а иначе...

– Что иначе? – Глаза Анастасии словно полыхнули вспышкой гнева. – И отпустите мою руку! Вы делаете мне больно!

– Господа, прошу простить. – Николай улыбнулся соседям по столу – пожилой семейной паре из Гамбурга, встал и шагнул к столу, где начинался скандал.

– Боярич Белоусов Николай Александрович. – Он взглянул в глаза девушки и коротко поклонился. – Могу ли я быть чем – то полезен моей соотечественнице?

– Пошёл вон, щенок! – Прошипел антрепренёр по-французски и сделал знак своим громилам, которые отложили приборы и начали неторопливо подниматься от стола.

– Прошу простить, сударыня. Небольшое срочное дело. – Николай улыбнулся. – Пока меня не будет, мой спутник, Александр Михайлович Платов, – знаменитый охотник на крупную дичь развлечёт вас.

– Капитан Платов, к вашим услугам. – Александр уже стоявший рядом коротко поклонился и едва заметно ткнул твёрдым словно стальной гвоздь пальцем в бок француза отчего тот замер на мгновение хватая воздух широко открытым ртом, и выпучив глаза разжал руку, которой пытался удержать Анастасию.

А в это время Николай, сделав громилам рукой приглашающий жест, пошёл вперёд на выход из салона.

Шедший первым, Онофре, здоровяк из портовых грузчиков Марсея проходя мимо пустого шезлонга, вдруг запнулся, и улёгся прямо в него, правда, почему-то лицом вниз. Луи глядя во все глаза на своего товарища, через мгновение тоже решил составить ему компанию, и присел прямо на палубу рядом. Что-то успел увидеть лишь третий, но его реакции хватило лишь на то, чтобы чуть приподнять руку, в которой уже был зажат кастет, и рухнуть на соседний шезлонг.

Придав телам видимость безмятежной расслабленности, Николай вернулся в ресторан, где Александр уже заканчивал прессовать антрепренёра. Стоило ему вернуться к столу, как Михалыч вместе с французом куда-то отбыли, посоветовав молодым людям не скучать.

Девушка, которую всё ещё лихорадило после происшедшего, была явно несклонна к разговору и беседу поддерживала односложными словами, едва удерживаясь в рамках приличий. Оживилась она лишь тогда, когда вернулся Николай и положил на стол перед ней какой – то документ.

– Это оно?

– Да, буквально выдохнула Анастасия и пробежав взглядом, тщательно разорвала контракт на мелкие кусочки.

– А сколько всего было экземпляров? – Поинтересовался Николай, поджигая обрывки прямо в пепельнице.

– Два, но свой я уже давно уничтожила. – Девушка чуть

покраснела, и скомкала салфетку которую держала в руках.

– А как вообще произошло, что вы связались с подобным типом? – Нейтрально спросил Николай и благодарно кивнул стюарду, принёсшему десерт. – За версту же видно, что пройдоха и шаромыжник.

– Он был таким убедительным. Сыпал именами, названиями театров и городов... – Балерина словно из неё вдруг вынули стержень опустила плечи и чуть сгорбилась. – Это потом оказалось, что он претендует не только на мои деньги. А в Россию мы не возвращались, так что у меня не было возможности избавиться от него.

– Но теперь всё кончено, так что, можете успокоиться. – Александр с улыбкой кивнул. – Я договорюсь с капитаном, и вам предоставят охрану из работников Голд Стар, и на обратном пути посадят на Русский Экспресс. Там вы будете в безопасности. А если эти господа вас побеспокоят, я займусь ими лично. – Холодные словно лёд глаза капитана блеснули сталью.

– А что вы им сказали, Николай Александрович? Они так быстро нас покинули.

– Вы про здоровяков, что сидели с вами за одним столом? – Николай усмехнулся. – В ходе короткой, но плодотворной беседы мы пришли к согласию по всем пунктам, и они решили отдохнуть на верхней палубе.

Глядя как сверкнули глаза Николая, Анастасия уже не сомневалась, что судьба ей послала встречу с двумя офицера-

ми русского Особого Управления выполняющими какое – то важное получение Государя. Похожие скорее на людей из высшего общества манерами и одеждой, они словно оборотни были готовы в любое время отбросить условности и уничтожить врага, как и заповедано было в Кодексе Сергия Радонежского – великого полководца Русской Земли.

Глаза её только что готовые пролиться слезами, словно по мановению руки высохли, реснички затрепетали, словно крыло бабочки, а щеки украсились румянцем.

Анастасия, несмотря на строгое воспитание, была девушкой увлекающейся и имела несколько авантюрный склад характера, что и приводило её к частым затруднениям в жизни. И точно так же, как и во все другие свои авантюры, в эту она окунулась с головой, что и послужило причиной того, что остаток путешествия у Николая прошёл словно в тумане. Очнулся он только когда впереди замаячили небоскрёбы Манхэттена.

Скрепя сердце, он помог безутешной девушке перенести багаж на немецкий теплоход Кайзер Вильгельм, сдав балерину трём неулыбчивым парням из Германского экспедиционного бюро⁷, и потом долго стоял на пирсе махая уходящему вдаль лайнеру.

А через двое с половиной суток, они сошли на берег в порту Нового Орлеана, откуда шла прямая железная дорога

---

⁷ Deutsches Expeditionsbüro – Германское экспедиционное бюро – полугосударственное охранное предприятие.

до Лос-Анджелеса.

Таможенник лишь завистливо поцокал языком, глядя на девятимиллиметровый Маузер – Русский с пристяжным прикладом и длинным тридцатизарядным сменным магазином, и более двух десятков разных пистолетов в багаже, но никаких действий не предпринял, так как в Североамериканских государствах, свободное ношение оружия было распространено повсеместно.

Питер Декстер, командир бригады охранников привычно проконтролировал сцепку вагона почтовой службы с составом, и махнул рукой своим людям, охранявшим место погрузки. Теперь им предстоял долгий путь до западного побережья, проходивший часто в совсем неблагоприятных местах. Банды, оживившиеся в последнее время создавали много трудностей в перевозках, и спрос на охранников был как никогда велик. Но сегодня у них был особый груз. Золотые монеты на фантастическую сумму в десять миллионов долларов, и начальник охраны был собран как никогда. Пассажиры давно заняли свои места, а Питер окинул взглядом перрон, и кивнул мальчишке, который тут же замахал жёлтым флажком, давая машинисту команду трогаться.

Охранники готовили еду сами, но Декстер, ходивший проводить начальника поезда решил поесть в вагоне ресторана и подсел к двум мужчинам спокойно и размеренно расправлявшимся с обильным обедом.

– Господа позволяют?

– Да, разумеется. – Тот, который был моложе, приветливо улыбнулся, и кивнул на соседний диван. – Располагайтесь.

Второй, не старый ещё, но совершенно седой мужчина, лишь мазнул взглядом по рукоятям массивных Кольтов, торчащих из кобур, и тоже кивнул.

– Ожидается беспокойная поездка?

– С чего это вы взяли. – Питер откинул полы лёгкого пальто, осторожно присел, бросил шляпу рядом с собой, и взял в руки меню в ожидании пока к нему подойдёт стюард.

– Шериф почтовой службы, при оружии, да ещё и с патронташем на поясе... Не ради собственного удовольствия же вы таскаете такую тяжесть? – Седой улыбнулся. – Да и оружие ваше – вполне рабочий инструмент. В меру потёрто, но вычищено до блеска и вон, даже тряпочка торчит. – Александр кивнул на кончик ветоши видневшийся из – за пояса.

– Пыль проклятая. – Декстер широко улыбнулся и кивнул. – Можно конечно стрелять и так, но лучше, чтобы оружие было чистым.

Ему почему – то сразу понравились эти двое, в которых чувствовалась надёжность стальной балки.

– Так что, серьёзный груз?

– Серьёзнее некуда. – Питер кивнул.

– Николай? – Александр посмотрел на своего спутника и тот кивнув в ответ, вытер губы салфеткой и встал.

– Прошу простить, господин...

– Питер Декстер. – Шеф охраны пожал крепкую ладонь юноши.

– Николай Белоусов. – Юноша кивнул. – Срочное дело. – После чего мягкой тигриной походкой вышел из ресторана.

– Александр Платов. – Седой в свою очередь кивнул и тоже пожал руку шерифу.

– Куда это вы его отправили? – Декстер отметил пальцем в меню несколько блюд, и сделав бою жест, чтобы поторапливался, с интересом посмотрел на собеседника.

– Перевести оружие в боевое положение, что же ещё? – Удивлённо поднял брови Александр. – Снарядить магазины, распределить патроны по обоймам для удобства перезарядки. Маузер отличное оружие, но держать патроны в магазине не стоит. Слабеет пружина.

– Да, револьвер в этом случае гораздо удобнее.

– Удобнее. – Согласился Александр. – Но гораздо менее точное, да и с перезарядкой проблемы.

– Ну для этого у нас есть малыши Томми. – Хохотнул Декстер. – Капризный агрегат, но бьёт, словно швейная машинка. Ну а если уж совсем припрёт, то сможем ещё пару сюрпризов выкатить.

– Это хорошо. – Николай кивнул. – А ведёт ли кто, наблюдение за окрестностями, и существует ли сигнал опасности на этот счёт? Не хотелось бы узнать о нападении от пули, влетевшей в окно.

– Есть. – Питер кивнул. – Машинист если увидит, что, или

заподозрит, даст три гудка.

Но сюрпризы были не только у Почтовой Службы. На третий день пути, когда поезд двигался по бесконечным равнинам американского юга, двадцатифунтовая пушка Парота, метким выстрелом снесла переднюю тележку паровоза полностью обездвижив состав. Три заполошных гудка возвестили для пассажиров то, что уже и так было понятно, и подавляющее большинство залегло на пол вагонов. Однако было много и тех, кто привычным движением взвёл курки пистолетов и ружей, не собираясь просто так становится жертвой.

Поезд сразу окутался облаками порохового дыма, а скачущие к составу всадники начали падать с лошадей.

В это время Николай и Александр, уже накинув пояса с магазинами и патронами в обоймах, выскочили из вагона и залегли между колёс состава.

Александр несколькими очередями зачистил орудийный расчёт, и перевёл огонь на всадников, круживших возле последнего вагона, откуда через минуту ударил дружный автоматный залп, поддержанный пулемётным огнём. Сразу же положение выровнялось, но как оказалось бандиты приготовили ещё кое-что.

Подобравшись со стороны разбитого паровоза, бандиты начали двигаться по составу и напоровшись на немногочисленную группу защитников начали отчаянную перестрелку.

– Давай, прогуляйся по вагонам, а я попробую отстрелить

их главного. – Александр перекатился в сторону и прижав к плечу маузер с примкнутым прикладом начал выцеливать всадника в чёрном, который носился среди тыловых порядков бандитов.

Николай этого ничего уже не видел, так как получив приказ, ужом скользнул между колёс и выскочил на откос с обратной стороны. Несмотря на мандраж, тело действовало на рефлексах и выбив выстрелом замок на двери, он влетел в посечённый пулями вагон.

Состав был короткий, всего двенадцать вагонов, поэтому через тридцать секунд он был уже на месте, и наблюдал как маленькая девочка целится в него из такого же крохотного пистолета «Колибри» калибром в три миллиметра.

– Спокойно, малышка, я не бандит. – Более не обращая внимания на пистолет, который в худшем случае мог лишь продырявить шкуру, Николай высунулся в коридор и тут же спрятался назад, чуть не поймав тяжёлую свинцовую пулю.

– Ах ты гад!

Вскинув к плечу маузер, он двумя короткими очередями ударил над головами защитников вагона, и пошёл вперёд, хрустя выбитым стеклом и смотря на мир поверх прицела. Кто – то попытался выстрелить ещё раз, но несколько пуль поставили на этой попытке точку.

Поскольку никто больше не двигался, стоило озаботиться отделением бандитов от простых граждан.

– Всем положить оружие! Человек с оружием будет убит! – Чётко произнёс он по-английски, а потом продублировал на всякий случай ещё по-немецки и по-французски.

– А ты кто такой, мать твою? – Пожилой седовласый мужчина с вислыми усами и потёртым английским котелком, сдвинутым на затылок, стоял, опустив свой Уэбли 455 стволом вниз. Рука, украшенная синей татуировкой с якорем и сакраментальной надписью: «King has a lot⁸», держала пистолет привычным хватом, и судя по взгляду, мужчина был готов пустить его в ход немедленно.

– Опустить оружие, достать билет. – Николай навёл ствол на переносицу мужчины, и тот поняв, что с ним не шутят, невнятно чертыхнувшись уронил свой тяжёлый револьвер на пол, и достав из кармана бумажник вытащил оттуда целый веер билетов.

– Это всё, сэр? – С издёвкой в голосе осведомился он.

– Нет не всё. – Николай которого никак не волновало отношение к нему случайных людей, опустил маузер, и показал стволом на Уэбли. – Можете поднять своё оружие. Теперь покажите тех, кто защищал вагон и бандитов.

– Ронни, Джим, вылезайте. – Он слегка пнул ногой по лавке и оттуда показались двое мальчишек лет пятнадцати в мешковатой одежде измазанной пылью и с небольшими ве-

---

⁸ У короля много. – Традиционно этой фразой провожали тонущий корабль британского флота.

лодогами⁹ в руках. – Остальные на полу, а бандитов вы похоже всех убили.

– Они прошли дальше тамбура?

– Нет похоже. – Седоусый покачал головой. – Мы тут такую канонаду устроили. Но пару человек мы похоже успокоили. Правда, ребята?

– Да папа! – Серьёзные мальчишки степенно, как и подобает мужчинам за таким важным делом, кивнули. – Мы им показали!

– Да пап, мы им врезали! – Младший потряс кулачком.

– Кстати, это не ваша малышка там с крошечным пистолетом? – Александр улыбнулся, глядя на это воинственное семейство.

– Лориана? – Мужчина хмыкнул. – Моя. Перебираемся вот на новое место. Обещали работу в порту, так мы вот и поехали.

– Отлично. – Николай кивнул, и сменив магазин, осторожно пошёл вперёд, и у самого крайнего купе был остановлен тихим едва слышным писком.

Не раздумывая, он повернулся в сторону седовласого джентльмена и показал жестаи что тому следует сделать.

Тот всё понял мгновенно, и подойдя к двери резким ударом тяжёлого кулака вывернул замок и распахнул двери купе.

---

⁹ Велодог – компактный револьвер, предназначавшийся для отпугивания собак велосипедистами.

Стоило двери открыться как бородатый мужчина державший на прицеле женщину в зелёном платье стал поворачиваться на звук, но не успел. Маузер звонко твякнув выплюнул короткую очередь и три полуоболочечных пули, разворотившие бандиту грудь в районе сердца, прервали ещё одну никчёмную жизнь.

– Отличный выстрел, парень. – На этот раз в голосе бывшего моряка не было ни тени издёвки. Пули легли почти в одну точку, и глава семейства хорошо знал цену такой выучке.

– Спасибо, сэр. – Николай чётким движением проверил пульс на шее у женщины и пошёл в следующий вагон.

Тот оказался сидячим, для пассажиров второго класса, и там царил настоящий разгром. Люди в основном лежали между сидений, а бандиты стояли в проходе, о чём – то переругиваясь между собой.

Несколько коротких очередей и Николай смог увидеть причину задержки – небольшой саквояж полный толстых пачек ассигнаций лежал в луже крови, а рядом, зажимая рану на плече, сидел пожилой мужчина, подслеповато щурясь во круг.

Не обращая внимания на раненого, Николай сделал контроль, и подойдя к дверям, осторожно выглянул наружу, где к вагону уже летела группа всадников. Шедший за его спиной моряк без разговоров вскинул свой монструозный револьвер, без задержки отстрелял остатки барабана, и присев

на одно колено, стал торопливо перезаряжать оружие.

А Николай лишь поудобнее перехватил маузер, и встретил бандитов настоящей волной огня, сразу опустошив тридцатизарядный магазин. Когда плечо обожгло болью он от неожиданности дёрнулся, но мгновенно задавив ощущения волевым импульсом сменил магазин, добил ещё живых и не опуская оружия оглянулся.

Возле почтового вагона схватка уже утихала, и услышав знакомый звук маузера, доносившийся оттуда, Николай успокоено перевёл дыхание и скосил глаза на правое плечо где уже расплывалось кровавое пятно. К счастью пуля лишь пробороздила глубокую царапину, не задев важных сосудов.

Из бандитов уцелели лишь главарь банды и ещё один тип, которых взял Платов, сначала ранив, а потом притащив обоих шерифу почтовой службы.

– А... – Луи Леконт, – Шериф довольно ощерился и присел возле связанного глядя ему прямо в глаза. – Старый знакомец. Пятьдесят тысяч долларов награды, кстати. – Он весело посмотрел на Александра. – А вот второго я не знаю.

– Я восполню ваш пробел. – Платов с улыбкой покачал головой. – Международный жулик и аферист Жан Леконт. Знаком мне по некоему инциденту с моей соотечественницей – балериной Анастасией Романовой. Он обманом заставил её подписать кабальный контракт, и доил несколько лет словно корову. Видимо брат?

– Конопляная тётушка разберётся. – Шериф довольный, что никого из его людей не убило, хлопнул рукой по плечу Александра. – А где кстати ваш парнишка? Он мне показался довольно боевым.

– Дочистил состав, и вероятнее всего сейчас занимается перевязкой раненых. – Платов пожал плечами.

– Он вам...

– Воспитанник. – Коротко ответил капитан. – Мы с его отцом служили вместе, и когда меня списали по ранению он пригласил меня к себе.

– Да, первая помощь – это правильно. – Посерьёзnel Декстер, до которого только сейчас дошло сказанное русским. – А вы сможете перевязать моих парней?

– Конечно. – Александр кивнул. – Только хирургический набор у нас один и если он сейчас занят, то вашим парням придётся подождать.

– Хирургический набор? – Уточнил шериф. – Так вы доктор?

– Нет, но на службе и не таким приходилось заниматься. – Платов хмыкнул. – У меня вторая боевая специальность – отрядный медик.

– Вторая боевая? – Брови Питера поползли вверх. – Ох, чувствую, вы не интендантом служили. – Он громко в голос расхохотался.

Люди шерифа ещё очищали окрестности от раненых бандитов, когда прибыла дрезина из города, куда поезд опоз-

дал по расписанию. Ещё через полчаса, пришёл новый паровоз, и побитый состав со скрипом и визгом потащили вперёд.

Николай и Александр всё это время занимались оказанием помощи пострадавшим, которых было довольно много. И посечённых осколками стёкол, и тех, кто попал под шальную пулю, и тех, кто был ранен в бою.

Поезд уже полчаса как стоял у перрона, а Николай с Александром только закончили оперировать того самого господина, который получил пулю в плечо.

Смятая свинцовая пуля уже была извлечена, и Николай под наблюдением наставника накладывал последний шов, когда в вагон-ресторан, где был устроен лазарет, ворвался низкорослый лысый господин с саквояжем и начал раздавать какие-то указания по поводу лечения больных. Потом он напоролся на шерифа, и был с позором изгнан из поезда, с пожеланием не портить воздух.

– Чего это вы его так? – Александр подставив руки под струю воды из жестяного кувшина, который держала девушка в зелёном платье, мельком взглянул на шерифа.

– Да знаю я этого... – Начальник охраны вовремя задавил крепкое слово готовое сорваться с губ. – Коновал. Ничего не умеет, а ведёт себя словно великий врач.

Несколько бригад плотников спешно ремонтировали состав, вставляя стёкла и убирая последствия нападения, а местный шериф уже вёл допрос захваченных бандитов.

Через час прибыл судья, который выслушав обоих шерифов, сделал короткий жест рукой, и бандитов без лишних разговоров развесили на балке водокачки. Потом из ближайшего отделения банка привезли чек на пятьдесят тысяч, и судья торжественно вручил деньги Александру.

После, спешно примчавшийся на двуколке, мэр городка долго уговаривал их остаться погостить, но со свистком паровоза путешественники уже сидели в вагоне и провожали взглядом уплывающие вдаль городские здания.

– Вот тыж! – Николай расстроено вытащил рубашку, располосованную пулей, и поковырявшись в саквояже достал виновницу проблем. – Застряла в бюваре. Хорошо, что ещё чернильницу не расколола.

– Да. – Александр кивнул. – Ревизию нужно провести. Ты кстати оружие почистил?

– Да, когда? – Возмутился Николай.

– Ну и чего сидим?

За чисткой оружия и приведением в порядок снаряжения потихоньку подкрался короткий южный вечер, и когда они укладывали оружие в кобуры, было уже темно.

По здравому размышлению было решено не прятать стволы, и в ресторан они пошли с массивными деревянными футлярами на боку.

Там уже сидел, поедая какой-то супчик шеф охраны и увидев русских, отложил ложку и встал, что было для него крайним проявлением радушия.

– Доброй ночи. Вы я вижу тоже поздние птички?

– Да пока чистили оружие, разбирались с аптечкой... –

Николай взмахнул рукой подзывая официанта.

– Наши там все благодарят. – Шериф улыбнулся. – И за помощь, и вообще.

– А, пустое. – Николай взял в руки меню, и быстро пробежался взглядом по строчкам, выбирая ужин. – Но размялись неплохо. – Он сделал заказ, и откинулся на спинку дивана. – Кстати, как там ваш ирландец? Рана не кровоточит?

– А что ему сделается? – Удивился Декстер. – Бегает. Он вообще парень крепкий. Как-то гнали банду, так он с раненой рукой стрелял, а когда стало совсем плохо, таскал патроны и заряжал оружие. У нас вообще народ обстрелянный и бывалый. Такие вещи иногда перевозим, самому страшно.

– А чего армия не возит? – Удивился Александр. – У нас в России все государственные грузы в случае необходимости обеспечивает Управление военных перевозок. Даже промежуточные склады на территории воинских частей. В Манчжурии кстати, как-то нагнали толпу солдат, охранять какие-то части для завода в Порт-Артуре, так хунхузы подумали, что везут золото, и собрали огромную банду для нападения.

– И как результат? – Осторожно поинтересовался Питер.

– Да какой там результат. – Александр хмыкнул. – Воздушные гусары из третьего гвардейского, зажали их в лощинке, и покрошили из пулемётов.

– Воздушные гусары? – Декстер удивлённо поднял брови.

– Ну, они в основном на скоростных аэролётах, они у вас называются дирижабли, и на самолётах. Это как ваши аэропланы, ну только может побыстрее да с лёгкими пушками на борту.

– Пушки? На аэроплане? – Глаза шерифа расширились до невозможных пределов.

– Пушки. – Николай кивнул. Правда специальные. Конструкции генерала Мосина. Калибр восемь линий, он на мгновение замялся, переводя значение в метрическую систему, – это чуть больше двадцати миллиметров, или восьмидесятый калибр в вашей системе. Чем-то похожа на пулемёт, только стреляет разрывными снарядами.

– Ого! – Декстер уважительно покачал головой. – Серьёзная штука. Нам бы такая совсем не помешала.

– Да зачем вам такой агрегат? – Александр Михайлович пожал плечами. Серьёзных противников у вас нет, последняя война закончилась бог знает, когда.

– Банды. – Коротко пояснил шериф. – Европа разорена, и не скоро поднимется, грабить там нечего и некого, так что все бандиты подались оттуда к нам, поскольку в Российской империи их совсем не жалуют.

– Насчёт бандитов вы конечно же правы, но вот разных жуликов, и аферистов, по тем же причинам, предостаточно. – Александр вздохнул. – Понаехало всякого отребья. В Петрограде говорят шагу нельзя ступить, чтобы не нарваться на

такого вот просвещённого европейца. В кармане дыры, в голове одни деньги, а всё туда же, учит как жить.

– Самый страшный грех, на мой взгляд. – Питер улыбнулся. В старой Европе это вообще типа болезни. Всех учат жить, и при этом сами же свои правила не выполняют.

– Смотрите, как бы вас эта зараза не захлестнула. – Александр остро глянул шерифу в глаза. – Сейчас отстроитесь, накопите силёнок, да решите, что мир поделён неправильно. У вас же в руководстве, в основном, те же английские аристократы, а они успокаиваются только в могиле.

– Да возможно. – Декстер отложил ложку, и выпрямился, глядя прямо в глаза Александра. – Надеюсь, что нам не придётся пересечься в таких печальных обстоятельствах.

– Нам скорее всего нет, но нужно молиться чтобы не встретились наши дети, которые возможно не будут знать, что за океаном живот вполне приличные люди. – Николай развёл руками. – То есть бояться, прежде всего, следует тех, кто вам будет рассказывать какие вокруг все плохие, и почему именно пуля поможет им стать лучше.

– А вам?

– Мы, господин Декстер живём в настолько многонациональном государстве, что любая попытка одних, определить правила для других иначе, чем через выработку общих для всех норм поведения, обречена на провал. Мы не покоряем народы, мы их вбираем себя словно губка, и обогащаемся их культурным и человеческим потенциалом, а в свою оче-

редь обогащаем их своим багажом. То есть никаких двойных стандартов, типа это – для белых, а это – для чёрных. Возможно ли в Америке, чтобы жена белого президента была скажем негритянкой?

– А у вас? – Шериф ухмыльнулся, представив себе эту картину.

– Жена предыдущего царя – Василия четвёртого, была черкешенкой. Это такое малочисленное племя на границах империи, а ныне здравствующая царица – Тасья родом из небольшого городка в Белой Руси, по происхождению – из поморов. Это, как если бы супругой вашего президента была индианка, причём откуда-нибудь из северной Канады. Да конечно биография кандидатов проверяется поминутно, а здоровье ещё тщательнее, но каждая девочка в стране знает, что может стать женой царя.

– Великая русская мечта? – Шериф расправившийся к тому времени с супом отставил тарелку в сторону, и поставил перед собой огромный стейк.

– Ну, почему же? – Николай улыбнулся. – Великая русская мечта, чтобы жить в мире, где не будет войн, и чтобы не провожать сыновей, братьев и отцов на смерть. А всё остальное вторично. Кстати насколько я знаю, случаев отказа участвовать в царских смотрах довольно много. У многих девушек к этому возрасту уже есть возлюбленные, или вообще собственные планы на жизнь не предполагающие скорого замужества. Кроме того, быть женой наследника престо-

ла, а в последствии царицей, это огромная ответственность. Она как бы олицетворяет женскую часть государства. Её мягкость, снисхождение и доброту. Дома призрения, больницы и школы, всё это находится под высочайшим патронатом императрицы, и княжон. Кроме того, питание в армии, тоже курируется ими, и бывает вороватые интенданты стоят на коленях в Малом Дворце вымаливая прощение.

– И как эффект? – Заинтересовавшийся шериф даже отложил в сторону вилку.

– Ну вы же понимаете, что до покоев императрицы Та-сьи доходят лишь те, кто достоин второго шанса в жизни? И кстати, приговоры малой канцелярии, так называется аппарат императрицы, как правило, очень жёсткие.

– Женская мстительность я полагаю? – Питер Декстер улыбнулся.

– Ни в коей мере. – Николай расправившийся к этому времени с первым, вытер губы салфеткой, и дал знак чтобы несли второе. – Просто все знают, что преступления, касающиеся самых незащитных слоёв общества, наказываются гораздо строже. То есть, существует некая граница, за которой, преступника карают, уже с максимально возможной строгостью. Скажем, украсть разово из помощи сиротам, такое возможно и простят, после возмещения ущерба, а вот то же деяние, совершённое много раз, приведёт к длительному сроку на каторге, бежать с которой невозможно. Просто некуда. Или службой в отдалённый монастырь.

– Ну, монахом это ещё куда ни шло.

– Это не простой монастырь. – Александр покачал головой. Даже минимальный срок – пять лет молитв, сплошного поста, и тяжёлых работ, хуже любой каторги.

– И кого туда отправляют? – Питер которого по службе интересовали любые аспекты правоохранительной деятельности, окончательно забыл про еду, и лишь прихлёбывал лёгкое вино.

– Только по желанию. Человек пишет прошение, его рассматривает Особая канцелярия Синода при Коллегии¹⁰ юстиции, и если решают, что человек может перевоспитаться, переправляет в Сергиев Посад, где находится административный центр Православной Церкви. Там принимают окончательное решение.

– И почему же люди идут на такое? Там меньше сидеть?

– Нет, срок в монастыре никто скостить не в праве кроме Особой канцелярии Синода и лично Патриарха. Просто после замены каторги пребыванием в монастыре, человек как бы прощён богом, обществом, и государством. В документах нет никаких отметок о судимости, он может занимать любые посты, и работать по своему выбору. Ничего этого нет и в помине, если человек отбыл свой срок на каторге. Тогда, никакой государственной службы, никаких учебных заведений и работы в общественных учреждениях. Только самая грязная работа на окраинах империи, на срок равный сроку наказа-

---

¹⁰ Коллегия – название Министерства

ния.

– Как у вас всё строго. – Шериф покачал головой. – Не проще ли просто повесить?

– Не проще. – Александр отрицательно мотнул головой. – Империя владеет примерно одной шестой частью суши, всей планеты, и сбережение людей, главная цель государства. Поэтому для тех, кто совершил преступление в третий раз – пожизненное наказание. Но уже без всяких. Таким образом, общество очищается от так называемых «закоренелых» преступников.

– Но если человек просто украл булку с лотка? – Удивлению Декстера не было границ. Он многое слышал о нравах в Империи, но такое просто не укладывалось у него в голове.

– Нет конечно. – Терпеливо пояснил Николай. – Речь идёт только о тяжких преступлениях. Они выделены в особую главу Уложения об уголовных наказаниях. А с учётом того, что даже за единичную кражу булки человек автоматически направляется на социальную комиссию, которая решает, где и кем будет работать данный гражданин, как правило, одной кражей всё и ограничивается. Но вот мошенники, особенно в крупных размерах, и всякое жульё, наживающееся на простодушии граждан, после второй отсидки предпочитают эмигрировать куда-нибудь подальше от Российского правосудия. Даже если не казнят, то пожизненный срок практически гарантирован.

– И при таких законах у вас всё ещё существует преступ-

ность? – Питер усмехнулся. – Воистину нет ничего безграничной человеческой глупости.

– В Ханьской империи, например, просто отрубают руки, а казни вообще страшные, и ничего, воруют, убивают. – Александр развёл руками. – Так что дело не в том, как наказывают, а как детей воспитывают. Чтобы и следа этой бластной романтики не было. И сидельцев на пушечный выстрел к детям не подпускать.

– Получается? – Шериф с неподдельным интересом посмотрел на Михалыча.

– Когда как. – Тот вздохнул. – Но судя по тому, что преступники у нас процентов на шестьдесят из приезжих, видимо да¹¹.

---

¹¹ Спустя много лет, начальник секретной службы министерства финансов, Питер Декстер в приватном разговоре с президентом Эндрю Меллоном, пересказал содержание той давней беседы, и предостерёг президента от резких телодвижений против Российской империи, полагая что война между двумя крупнейшими странами будет последней в истории... для Соединённых Штатов.

4 глава

Лучшим каждому кажется то, к чему он имеет охоту.

Козьма Прутков

По данным Федерального Бюро Расследований, общее количество преступлений с применением огнестрельного оружия за год, увеличилось в два раза. С 1340 до 2600 случаев. Общие потери полицейских сил всех уровней, от муниципального до окружного составило 572 полицейских чина, включая 102 шерифа.

Восполнение рядов полицейских и шерифов осуществляется за счёт активных граждан, прошедших военную службу и имеющих положительные отзывы от жителей посёлков, для чего ведётся разъяснительная работа Федеральными комиссарами, и работниками муниципальных органов.

Наряду с этим, наблюдается широкое движение по созданию добровольных военизированных отрядов по охране порядка из числа граждан, и привлечение к полицейской службе расквартированных рядом воинских частей, а также, организация многочисленных частных охранных фирм, берущих на себя охрану банков, ссудных касс, и почтовых отделений.

Решением внутреннего совета Министерства Юстиции было принято Положение о правовой

и организационной помощи внесударственным охранным структурам, а также вынесение в Конгресс проекта закона о придании им статуса «Гражданской полиции».

7 мая 1920 года. Меморандум Министерства Юстиции.

Объединённые государства Америки, Лос-Анжелес.

Николаю и Александру не удалось тихо покинуть вокзал, и по прибытию, они были просто атакованы буйной толпой журналистов, которых интересовали подробности схватки с «Самой кровавой бандой Техаса».

Как старший, Александр взял на себя основную нагрузку, но и Николаю доставалось, в основном от женщин – репортёров, сразу усмотревших в статном широкоплечем красавце хорошую фактуру для репортажа.

Вопросы сыпались словно из пулемёта, но у Николая был подобный опыт. Приезжая в отдалённые станицы Земли Войска Донского, с книгами для детей и подарками для ветеранов, почти всегда становился центром внимания толпы ребятишек, заваливающих его вопросами. Зная, что младший Белоусов никогда не чинился, и не зазнавался, у него спешили узнать последние новости, несмотря на то, что во многих домах уже стояло радио. Но дикторы, читавшие текст, были далеко, а у Николая всё можно было выпросить подробно,

и пояснить, если кто-то чего-то не понял.

Именно поэтому, стайка женщин и девушек, обступившая Николая, вызывала у него очень похожие эмоции. Он улыбаясь отвечал на льющийся на него поток вопросов, вычленяя наиболее интересные, и не забывая неторопливо продвигаться к выходу с перрона.

Когда первая волна вроде стихла, он уже собирался вежливо проститься с дамами, но ворвавшаяся словно снаряд девица в белом платье кинулась к нему на шею, и впилась долгим поцелуем прямо в губы. Опешивший от такого напора, Николай не сразу признал девушку, спасённую им в купе от бандита, и потом, оказавшую помощь в качестве операционной сестры.

Аккуратно, но твёрдо, Николай оторвал от себя девицу и только через несколько минут понял, что спасённая хорошо известна пишущей братии, потому как является дочкой одного из богатейших людей Юга, и внимание акул пера потихоньку переключилось на неё, тем более что мисс Хант просто наслаждалась вниманием публики. Это позволило Николаю незаметно исчезнуть, и дождавшись своего наставника у выхода с перрона, они доехали до филиала Первого Национального банка, где провели очередную операцию по снятию средств, и переводу их в Россию.

Лос-Анджелес, в котором путешественники решили отдохнуть пару дней, совершенно не впечатлил Николая, в отличие от того же Нью-Йорка.

Удивило лишь то, что за ночь, которую они провели в отеле, несколько раз были слышны выстрелы, словно в городе шли боевые действия.

Но вникать в местные реалии было некогда, так как уже в полдень, они взошли на борт «Петрограда» – грузопассажирского парохода который должен был их доставить во Владивосток.

Каюты и общее убранство судна конечно не дотягивали до такового на Титанике, но всё было достойно и со вкусом. Кроме того, на борту присутствовала большая компания флотских офицеров, перегонявших в Лос-Анджелес лёгкий крейсер построенный по американскому заказу на дальневосточных верфях, и плавно начавшаяся гулянка продолжалась почти до тех пор, пока разразившийся шторм, не загнал «Петроград» в порт Иокогамы.

Капитан объявил, что у пассажиров есть как минимум сутки на то, чтобы ознакомиться с достопримечательностями Ниххон, пока они будут грузить уголь и ждать погоды, и вся толпа морских офицеров радостно кинулась гулять в городских кабаках.

Николай, как не употреблявший алкоголя, решил, что лучше потратит время любуясь пейзажами этой действительно экзотической страны, но реальность как всегда внесла свои коррективы.

Отдыхая в заведении для таких же как они путешественников с умеренной долей экзотики, и гейшами готовыми на

любой каприз клиента, Николай услышал сначала крики рядом с дверью, а потом и звуки смачной драки. Отстранив Аоми, как раз исполняющую очередное желание клиента, накинул халат, сунул руку в аккуратно сложенные вещи, и достав маузер, осторожно взвёл затвор.

Несмотря на то, что сам домик находился на отгороженной территории, среди пышного сада, где располагались ещё десяток таких же, охрана заведения почему-то вовремя не отреагировала, а значит спасение утопающих дело рук самих утопающих.

Девушка при виде оружия испуганно забилась в угол, но не издала ни звука.

Распахнув дверь, он в тусклом свете фонарей увидел, как один мужчина, припадая на ногу, пытался отбиться от десятка молодцов с длинными ножами.

– Стандо!¹²

Конечно, он не надеялся, что бандиты, а он был уверен, что нападавшие были именно бандитами, бросят оружие и сдадутся, но вот к тому, что в него без разговоров метнут сразу два ножа, отнёсся крайне отрицательно. Расслабленное состояние сыграло с ним плохую шутку, и уходя от одного ножа он подставился под второй и с противным хрустом небольшой метательный нож вонзился ему в левое плечо.

– Суки!

Уже не сомневаясь, шипя от боли припал на одно колено

---

¹² Стоять. – Яп.

и открыл шквальный огонь, выкосив за секунды почти всех нападавших.

Но и тем, кому пули не досталось, тоже пришлось не лучше, так как мужчина, подобрав нож, оброненный одним из бандитов, в три взмаха добил оставшихся в живых.

Всё стихло. Николай, бросив взгляд на прорезь в магазине, отметил что патронов ещё штук десять, и увидел, что мужчина которого он спас, стоит рядом, и что-то говорит на незнакомом языке.

– Не понимаю. – Он, кривясь от боли, качнул головой. – Ниххонский ещё через слово, а вас вообще не понимаю.

Услышав русскую речь, мужчина кивнул, и неожиданно для Николая произнёс на довольно чистом русском.

– Я благодарю господина за своевременное и деятельное участие в моей судьбе. Могу ли я чем-то помочь моему спасителю?

– Не попадаться в такие ситуации. – Хмыкнул Николай, шагнул в домик, и обернулся. – Заходите, будем штопать раны.

– О, господин сведущ в искусстве исцеления?

– Немного. – Николай, сделав девушке жест подойти, коротко объяснил, что требуется, и она выскочила из домика.

И только в свете масляных светильников боярич увидел, что раненый был глубоким стариком. Длинная седая борода, и такие же седые волосы на голове, прихваченные тонким ремешком. Одежда была чистой и неплохого качества, что

говорило в пользу того что Николай вмешался.

Сначала Николай осторожно вытащил нож из своего плеча, и порадовался что тот не задел кость, пробив мышцы насквозь. С помощью старика он промыл рану крепкой рисовой водкой и наложил тугую повязку и только после этого занялся стариком.

А вот его рана была совсем нехорошей. Видимо кончик длинноклинкового оружия пропорол мышцу бедра, и глубоко вошёл в ногу без малого не выйдя с другой стороны. А так как привычка дезинфицировать оружие была довольно редкой, то следовало ожидать как минимум воспаления.

Николай промыл рану и замотал рану обрывками простыни.

– Ну, вот. – Он кивнул, глядя на аккуратную повязку. – Теперь только ждать. Если воспалиться сразу к врачу.

Когда старик ушёл, девушка ещё попыталась воспламенить Николая на новые подвиги, но плечо болело так сильно, что он расплатился и вызвав пролётку, уехал в порт.

Утром его разбудил Александр Михайлович. Вернувшийся из турне, по злачным местам портового города, и пребывая в замечательном состоянии духа, капитан напевал что-то бравурное и маршеобразное, а Николай, поняв, что спать ему не дадут, быстро шмыгнул в душ чтобы не светить повязкой, и к завтраку уже выглядел словно с обложки журнала.

За столом офицеры императорского флота были задумчи-

вы, немногословны и налегали в основном на сельтерскую¹³, а Александр всё поглядывал на Николая, который машинально берёт левую руку от малейших движений. Конечно, Николай и не думал пытаться обмануть такого опытного бойца как его дядька, но желал оттянуть неприятный разговор, как можно дальше.

Неожиданно в столовую где завтракали офицеры судна и пассажиры вошёл вестовой и склонившись у уха капитана парохода что-то стал торопливо говорить. Слушая вахтенного тот хмурился и оглядывал сидящих за столом тяжёлым взглядом.

– Господа, – произнёс капитан, когда вестовой наконец закончил. – К нам пожаловала делегация от какого-то важного чиновника, и тот желает вознаградить своего спасителя. Утверждают, что тот был русским, а поскольку в порту кроме нашего судна, русских кораблей нет, значит, виновник кто-то из вас. Сознвайтесь, кто приложил руку сегодня ночью?

Два лейтенанта молчаливо переглянулись.

– Ну была заварушка в кабаке, но там всё более-менее тихо обошлось. Пару наглых британских рож разбили, и всё.

– Да и у меня, Пётр Викентьевич был небольшой эксцесс, но устраивать из-за трёх трупов в порту, такой с позволения сказать кунштюк? – Произнёс капитан второго ранга.

– А вы что скажете, господин гвардии капитан? – Взгляд

---

¹³ «Сельтерская» сорт минеральной воды популярной в конце 19 – начале 20 века, а в России, так называли любую минеральную воду.

капитана судна переместился на Александра.

– Я думаю, причиной переполоха стал мой подопечный. – Михалыч обречённо вздохнул. Война между Ниххон и Россией не состоялась, но отношения были крайне напряжёнными. – Поведайте нам, Николай Александрович, почему вы даже хлеб из тарелки берёте правой рукой, и когда кусаете наклоняетесь к самому столу.

Николай пожал плечами.

– В переулке ночью был атакован группой людей с ножами. От одного ушёл, второй попортил плечо.

– И? – Нетерпеливо барабаня пальцами по столу произнёс капитан.

– Десять убитых. Один спасённый старик. Наверное, кореец, так как я в начале не понял ни слова из того что он сказал.

– Отлично! – С сарказмом сказал Пётр Викентьевич, и встал из-за стола. – Покидать борт судна не советую, а с этими людьми поговорю сам. – Он обвёл взглядом флотских офицеров. – Кстати, вам выходить в город так же не рекомендую. Банды в городе практически захватили власть, так что провокации наверняка будут. Неизвестно кто и как решит свести счёты. А о вашем поведении, молодой человек, я доложу в пароходстве.

Когда раздражённый капитан покинул столовую, один из флотских, улыбнулся и прищурившись посмотрел на Николая.

– С пробитым плечом, подстрелить десятерых, да ещё насколько я понимаю в темноте... Нет, я конечно верю, особенно зная какие слухи ходят про вашего наставника, он ведь личность практически легендарная, но чёрт возьми, это же просто фантастика!

– Пиджак снимай, воин. – Хмуро буркнул Александр, и окликнул судового врача. Виктор Аполинарьевич, не посмотрите?

– Отчего, же. Полюбопытствую так сказать на результаты самолечения. – Доктор ловко помог снять рубашку, и сначала внимательно осмотрел повязку. – Ну что же, бинты наложены грамотно. Судя по количеству крови, рана глубокая, но поверхность уже схватилась. Полагаю, не стоит её без нужды беспокоить. Вот через пару дней, когда придёт время менять повязку, тогда и посмотрим. Одевайтесь, молодой человек, и помните, шрамы украшают, только тех, у кого не хватает иных отличительных способностей. Например, ума.

– Полно вам, Виктор Аполинарьевич. Случись такая история с любым из нас, да с подобным же результатом, мы бы в героях ходили, да сверху поплёвывали.

– Так то, простите, вы, люди военные! – Сварливо ответил доктор, снова усевшийся к столу. – А молодой человек, между прочим, в политехнический поступать планирует. А это извините не матросов гонять и не гайки в котлах крутить. Грамотный инженер, или тем паче человек творческий, гораздо ценнее. Кто-то ведь ваши котлы придумывает,

да выпускает, а для этого понимание куда более основательное нужно, чем для эксплуатации. Я вот в отпуск к товарищу ездил в Свято-Владимирский окружной госпиталь. Они там аппарат поставили, такой что на экране все кости видны словно человек прозрачный, да и саму фотокарточку выдаёт. Вот это я вам скажу милостивые государи, истинный прорыв в медицине. И ведь кто-то же аппарат сей придумал, и сделал! А голова у Николая Александровича светлая, даром что ли он меня в шахматы как новичка обыгрывает. Так что, нечего ему скакать по подворотням. Пусть науку двигает.

– Эх вы сказали. – Капитан второго ранга добродушно усмехнулся. – Да сейчас на флоте, если хотите, грамотные инженеры край как нужны. Везде новая техника, и ходовые турбины, и радиостанции, да куда не возьмись, везде нужны специалисты. Офицерами их флот сделает, а вот знания, это конечно институты да академии. Тот же политехнический. Да вот взять Дмитрия Ароновича. – Кап два качнул подбородком в сторону лейтенанта. – Тоже вот политех закончил, и к нам служить пришёл. Сейчас правда работает не по профилю, но как только поступят новые дальномеры, будет у нас главным человеком. Дальномер на флоте, первейшая вещь. Без дистанции ни снаряд в цель не положить, ни ордер выдержать.

– А сами-то вы что думаете, Николай? – Капитан – лейтенант, с Георгием третьей и четвёртой степеней на кителе с интересом посмотрел на молодого человека. – Как планиру-

ете свою дальнейшую жизнь?

– Полагаю господа, что сколь тщательно я бы не планировал, господь, однако, всё расставит на свои места. Если мне будет уготована судьба служить России во Флоте, значит, так тому и быть, хотя, мне признаюсь более интересны новинки инженерного дела, и моторы особенно. Полагаю, что век нынешний это век моторов и электрики. Причём, чем более электрика будет выходить из детских пелёнок, тем значительнее будет её вклад в изменение нашей жизни.

– Да ну! – Кап-два добродушно словно огромный кот фыркнул. – Та же связь, ну в чём её разница по сравнению с флажковой или ратьером?

– Хотя бы в том, что позволяет получать распоряжения и приказы вне зоны прямой видимости. – Николай улыбнулся. – А вот представьте себе, что кто-то сможет соединить экран господина Рентгена, о котором говорил наш уважаемый Виктор Аполлинарьевич или аппарат Ройзинга, и мощную радиостанцию. Ведь для электромагнитных волн не существует ни тумана, ни темноты. Можно будет увидеть вражеский корабль в любой ситуации и замерив расстояние, выдать дистанцию артиллеристам. Или управлять движением торпеды по радио.

– Страшные вещи вы говорите Николай. – Капитан, который уже давно вошёл в кают-компанию, слышал всю речь от начала до конца. – Сейчас-то морячки гибнут сотнями, а в мире, который вы описываете, так вообще никто в море не

выйдет.

— На любой хитрый винт, всегда найдётся гайка, господин капитан. — Михалыч, отложил в сторону вилку и сделал глоток из бокала. — Пулемёты вот тоже изменили облик войны, но воевать никто не перестал. Так же будет и на море. Придумают скорострельные пушки против управляемых торпед, или ещё тому, будут выпускать им навстречу свои торпеды... Бог весть. Вы лучше расскажите, что там визитёры?

— Требуют своего спасителя, — Пётр Викентьевич развёл руками. — Но я так понимаю, что не для скандала. Вонг У — новый наместник императора, и то что мы бы назвали судебным исполнителем в одном лице. Занимается местными бандитами и казнокрадами. Так что мы можно сказать отличились. Он уже составил петицию императору, и обещал, что о геройстве Николая будет сообщено нашему царю. Так что, давайте, Николай. Идите, и достойно там представьте русского человека.

— Михалыч?

— А что Михалыч, — Спросил Александр ворчливо, и вытерев губы, встал из-за стола. — Пойдём разгребать.

Делегация, разместившаяся на полубаке, была внушительной. Только носильщиков было человек десять. Спасённый ночью старик полулежал на расшитых шёлковых подушках, и неторопливо попивал чай из пиалы тончайшего словно стекло фарфора.

– А... мой друг. – Завидев Николая он приветливо взмахнул рукой, и тут же перед ним на палубу поставили раскладной стульчик и положили подушку. – Я решил сам нанести визит, так как подумал, что официальное приглашение может смутить капитана сего достойного корабля. Отношения между нашими странами далеки от совершенства, и тем ценнее ваш поступок, осенённый духом Хатимана. Вы дрались словно горный барс, не дав санзоку¹⁴ ни единого шанса. И поскольку спрашивать вас о награде было бы бестактным, я позволил себе самому определить рамки своей благодарности. – Он подал опустевшую чашку, и служанка в цветастом кимоно сразу же убрала её, а высокий широкоплечий мужчина подал длинный продолговатый футляр чёрного дерева.

– Меч великого Масамунэ, испивший кровь тысяч врагов будет достойным даром воину. – Слуга склонился перед Николаем на колени и раскрыл футляр.

– Великий дар. – Николай встал, достал меч из коробки и вытянув клинок из ножен на ширину ладони полюбовался узором. – Смогу ли я быть достойным легендарного меча?

– Его зовут Фарукон – Сокол. – Старик улыбнулся и не оборачиваясь сделал жест рукой и вперёд вышел коренастый невысокий мужчина в чёрном кимоно. – Фудзивара Ка-то будет вашим наставником, и отвечает головой за то, чтобы вы стали мастером достойным легенды. Желаю вам удачи, и благосклонности Хатимана. – Ещё один жест, и слуги,

---

¹⁴ Санзоку – японские бандиты

мгновенно подняв носилки, в резвом темпе покинули палубу «Петрограда», увлекая за собой всю свиту.

Через тридцать секунд перед ошарашенным Николаем остался лишь самурай в чёрном кимоно, и меч в руках.

– Что это было? – Николай повернулся в сторону Михалыча, но тот лишь меланхолично покачал головой.

– Другая культура.

– А с самураем этим что делать? Отослать на берег?

– Нельзя меня отсылать. – Произнёс Като по-ниххонски и поклонился. – Если хозяин не хочет меня видеть, мне предписано сделать сэппуку.

– Вот твою жешь мать. – Николай глубоко вздохнул, сбрасывая гнев, и с надеждой взглянул на наставника. – Что делать – то будем?

– А что делать. – Александр пожал плечами. – Негоже человека под самоубийство подводить. Грех великий. Так что придётся тащить его с собой, пока господин сей не решит, что ты достаточно владеешь этой восточной саблей.

Свободных кают на пароходе было достаточно, и после переговоров с капитаном и стюардом, ниххонца поселили в конце коридора, буквально в десяти шагах от Александра и Николая. Багажа у него оказалось совсем немного. Два полотняных мешка, перевязанных верёвкой, и небольшой узелок с лямками словно у солдатского рюкзака.

Выбившийся из графика «Петроград» резво дымил по на-

правлению к Владивостоку, а крайне серьёзный ниххонец принялся за обучение Николая, которое поначалу представляло собой простые упражнения на растяжку, и координацию движений. Александр посмотрев на тренировки удостоверился, что никакого вреда они не несут, и сам частенько присоединялся к занятиям на корме.

В вещах Като нашлась даже парочка боккенов, и изнывающий от скуки Александр предложил Като учебную схватку, чтобы выяснить чьё умение выше.

Дробный перестук сталкивающихся палок быстро привлёк внимание пассажиров и свободных от вахты моряков, и уже через несколько минут, надстройки и палуба была забита народом, живо комментирующим ход поединка.

Привыкший к наверху на шашке и одноручному бою, Александр сначала проигрывал, ниххонцу, наносившему резкие и очень сильные удары, но быстро сориентировался, и выправил положение, а потом начал сам гонять Като.

Ко всеобщему удовольствию бой закончился безусловной победой Александра, и публика разошлась живо обсуждая преимущества той или иной школы фехтования, а сами фехтовальщики сели в укромном уголке, для обстоятельной беседы.

Русский язык самурай знал неважно, но благодаря тому, что Александр немного знал ниххонский, и оба они неплохо знали испанский, разговор, проходивший на жуткой смеси ниххонского, русского и испанского языка был достаточно

информативен.

Като уже понял, что как преподаватель боя на мечах он практически не нужен, и полагал, что после формального экзамена Николая, он сможет вернуться к себе домой, но осторожно прощупывал необходимость в получении воспитанником Александра других знаний.

– Лекарства и отвары? – Николай задумался. – Вообще-то матушка Николая Аделаида Демидовна – весьма сведущая женщина и давала ему основы медицинской помощи и ботаники.

– Я говорю не только о лекарствах, но и о ядах. – Като широко улыбнулся. – Наш род достиг больших высот в использовании ядов и различных зелий.

– Тоже, не нужно. – отставной капитан махнул рукой. – Аделаида Демидовна эту науку постигала в таком учебном заведении, что, Коля легко сварит отраву из подручных средств.

– А кто у него мама? – Удивлённо спросил Като.

– Женщина многое повидавшая и много знающая. – Коротко ответил Александр не желая распространяться на эту тему.

– Тогда возможно искусство боя без оружия? – С надеждой спросил ниххонец. – Ему очень не хотелось возвращаться домой, потому что приказ Вонг У, был однозначным. Закрепиться в столице Российской империи, и поставлять новости и информацию для императорского двора. Ему даже

были переданы контакты с несколькими агентами в Москве и Петрограде, а также каналы связи. Но осуществить миссию в качестве преподавателя небедной семьи, это одно, и совсем другое – человеком – одиночкой.

– Тут такое дело, – Александр почесал затылок. – Мы же непрерывно воюем уже несколько тысяч лет. И с Европой, и с Азией. Кто только не лез на Русь. И многие завоеватели остались сначала пленниками, а потом обрастали семьями и поселялись навсегда. Так что в смысле войны, у нас, пожалуй, есть чему поучить любую нацию. Рукопашный бой... Ну возможно чему-то новому и научишь. Ладно. Оставайся. – Михалыч склонился к ниххонцу и доверительным тоном добавил. – Но узнаю, что шпионишь, лично прослежу, чтобы тебя закатали на крайний север, до конца дней. У вас же есть такое понятие – ледяной ад? Так вот, крайний север России, для любого ниххонца, это и есть ледяной ад, только при жизни.

5 глава

*Не добычи мы желаем тебе, но возвращения.
Арабская пословица*

...Общее положение в Дальневосточной губернии, Манчжурском Крае, и областях пограничных с Ханьской империей, и Ниххон, оценивается как напряжённое с тенденцией к ухудшению. Многочисленные и хорошо вооружённые банды, приходящие со стороны Хань, приносят хозяйствам большой вред, и не только приграничным, но и находящимся в глубине империи, так как порой банды углубляются до пятисот километров от границы. Так же со стороны рыбаков Ниххон, есть большой урон рыбному хозяйству Сахалина, и прилегающих островов.

За последний год, было отмечено 105 проникновений через сухопутную границу и 275 через морскую с общим ущербом в тридцать пять миллионов рублей.

Прибытие пятой воздушной эскадры адмирала Небогатова частично разрешило проблему, но не избыло её полностью, так как существующего лётного парка (95 единиц) не достаточно для патрулирования такого протяжённого участка границы.

Прошу всемилостейшего решения, направить на Дальневосточный рубеж, вновь формируемую седьмую воздушную эскадру и мобильно

– ремонтный батальон, для стабилизации положения на границе, и пресечения бандитских вылазок.

14 мая 1920 года

Наместник Дальневосточного Края, действительный тайный советник, князь Вяземский.

Российская империя, Дальневосточный край, Владивостокская губерния, Порт Владивосток.

Владивосток встречал пароход синим небом и ярким солнцем, что было особенно приятно после недели дождей. Тепло простившись с моряками и попутчиками, Николай, Александр и Като взяли извозчика и для начала поехали в магазин готового платья, чтобы переодеть ниххонца. После короткого обсуждения ему подобрали удобный твидовый костюм, дюжину рубашек, и всё что нужно в дороге, включая чемодан. После, посетили цирюльника и тот привёл косматого мужчину к более-менее европейскому виду, так, что тот, одетый в костюм, ботинки и котелок, стал напоминать скорее якутского золотопромышленника. А учитывая, что в Российской империи людей с восточным разрезом глаз было предостаточно, Като можно сказать вовсе слился с пейзажем.

Время уже поджимало, и путешественники отправились в воздушный порт, где уже прогрел двигатели гигантский аэролёт класса «Империя».

Зрелище огромного двухсотпятидесятиметрового воздушного левиафана так поразило самурая, что тот с огромным трудом заставил себя не глазеть на это чудо техники. Потом было ещё одно испытание, когда небольшая металлическая комната, куда они вошли, вдруг резво взвилась вверх, оставляя землю далеко внизу.

– Добрый день господа. Рада приветствовать вас на борту аэролёта «Жар-Птица». – Роскошная чернобровая красавица-брюнетка в лазоревой униформе, улыбнулась очередной троице пассажиров и машинально поправила локон, выбивавшийся из-под пилотки. – Багаж – она сделала жест стюарду, и рослый широкоплечий парень ловко загрузил специальную тележку сумками и чемоданами. – Ваша каюта номер девять, палуба «А». Обед будет подан через два часа.

Мужчины в дорожных костюмах, выправке которых мог позавидовать гвардейский офицер, лишь молча кивнули и, оставив на столике билеты, пошли вслед за стюардом.

Чем её так привлекла троица, Елена так и не смогла бы сказать, но во всех троих чувствовался стальной стержень и мощь, так что щёчки у девушки порозовели, а дыхание сбилось. Она ещё раз посмотрела вслед пассажирам, но заметив боковым зрением движение вновь повернулась к входу.

– Добрый день господа. Рада приветствовать вас на борту аэролёта «Жар-Птица».

Като, для которого всё было в новинку, крутил головой

так, что казалось ещё немного, и голова оторвётся, а убранство каюты встретил молчаливым восторгом. Ему нравилось решительно всё. И начищенные до золотого сияния бронзовые краники в ванной комнате, и телефон на столбике из резного дерева, и большие, панорамные окна, убранные кружевными занавесками.

– Можете располагаться в этой комнате. – Николай отворил дверь в маленькую спальню, предназначенную для прислуги. – К сожалению, поменять билет на более комфортабельную каюту мы не смогли, так что шесть дней, придётся потерпеть.

– Потерпеть? – Ниххонец у которого верхом комфорта была чистая циновка в крошечной неотапливаемой каморке, покачал головой. Путешествие только началось, а так называемые северные варвары выглядели словно спустившиеся с небес боги. Улицы, заполненные хорошо одетыми людьми и машинами, огромные летающие дворцы, и его будущий ученик, который искренне сожалеет, что навязанный ему попутчик проведёт четыре дня в комнате, с настоящей кроватью и рукомойником из которого течёт тёплая вода.

Но вслух он ничего не сказал, лишь коротко поклонился и войдя в свою комнату закрыл дверь.

Перебирая багаж, он вывалил на кровать свои вещи и стал снова укладывать их в чемодан. Небольшой пакет из ткани пропитанной воском, уже летел в разверстую кожаную пасть, когда внезапно пришедшая в голову мысль застави-

ла его метнуться быстрее кобры, и поймать пакет в воздухе. Покачивая тяжёлый перевязанный бечёвкой конверт, Като вдруг улыбнулся. Он знал, чему будет учить юного воина.

За обедом ели чинно, как и подобает солидным господам, хотя ниххонец всё ещё не привык к тому, что русские питаются довольно обильно и едят много мяса.

– Александр сан. – Като отложил вилку, и вытер рот салфеткой. – Я подумал, что есть искусство, которое у вас наверняка неизвестно.

– Какое же? – Александр Михайлович удивлённо поднял брови.

– Кобудзюцу. – Ниххонец улыбнулся. – Это древнее искусство боя необычными предметами. Веерами, посохами, палочками и даже монетами.

– Не продемонстрируете? – Отставной капитан достал из кармана портмоне, и вытряхнул на стол тяжёлый медный пятак.

– Попробую. – Като двумя пальцами взял монету со стола и оглянулся в поисках подходящей мишени. Толстый дверной косяк у входа в зал показался ему подходящим, и рука на мгновение размазалась в воздухе посылая тяжёлый медный кругляш в цель.

С коротким стуком пятак пробил тонкую деревянную пластину и врубился в квадратную алюминиевую трубу, которая была обшита деревом, создавая впечатление моноли-

та.

Словно ничего не произошло, Александр встал, и прогулялся до входа. Потом отвлёк метрдотеля каким-то вопросом, с натугой вытащил монету из деревяшки, и вернулся за стол.

– Изрядно. – Он положил пятак на стол, и Николай увидел, что от удара монету деформировало до овального состояния.

– Любой предмет как оружие, и наиболее рациональные точки поражения. Кроме того, контактная техника. Захваты, броски, удушения, и прочее. Ну и конечно же техника скоростного передвижения. Помогает снизить повреждения от дистанционного оружия к минимуму.

Раздумывал Александр недолго.

– Хорошо. – Он хлопнул ладонью по столу, словно припечатывая невидимый договор. – Но и о моих словах не забывай.

«Жар-Птица», только производила впечатление неповоротливого транспорта. На прямых, аэролёт разгонялся до фантастических для такого гиганта ста десяти километров в час. Теоретически он мог преодолеть всё расстояние за четверо суток, но посадки в промежуточных аэропортах, погрузка и выгрузка почты, попутных грузов и пассажиров нарушали этот стройный график, и весь маршрут он проделывал за шесть с половиной дней.

Верный себе, Николай обошёл весь воздушный корабль, побывав даже на верхней наблюдательной палубе, до которой нужно было добираться в дыхательном устройстве. Елена Аматуни – стюард первого класса, с удовольствием показывала свой корабль, тем более что характер у молодого человека оказался вполне общительным и через два дня пути ему словно старому знакомому кивали даже офицеры аэролёта. И ничего удивительного в том, что третий день знакомства у молодых людей ознаменовался грехопадением в крошечной каютке очаровательной стюардессы.

Расстались они вполне спокойно, хотя Елена таки сунула Николаю в карман свою визитную карточку с адресом и что удивительнее с телефоном, поскольку даже в Москве, телефонных абонентов было всего двадцать тысяч, а новые станции только строились. Соответственно и подключение к телефонному узлу стоило довольно дорого.

Столица Империи встречала их ярким солнцем и разногласным гомоном огромного аэропорта Тушино. Спустившись на элеваторе вниз, путешественники сразу же попали в окружение распорядителей таксомоторов, и через несколько минут, просторный Альбатрос Русско-Балтийского завода уже вёз их в город. Номер в гостинице был заказан предусмотрительным Александром ещё с борта «Жар-Птицы» так что в гостинице Московский Двор их сразу же разместили в просторном пятикомнатном номере с видом на Кремль.

Николай, который до этого был в Москве лишь в детском возрасте, много и с удовольствием гулял по городу, посещая музеи и выставки, которыми всегда славилась столица, а Александр занятый своими делами предоставил своему воспитаннику полную свободу действий, тем более что забот у него самого хватало. И встречи с ветеранами Третьей Отдельной Ордена Кондрата Булавина Бригады особого назначения Генерального Штаба, и оформление бумаг на помощь ветеранам, проживавшим на землях Войска Донского, и многое другое.

Не отставал от воспитанника лишь Като, требовавший ежедневных занятий в арендованном помещении Российского Атлетического Общества.

Но напрыгавшись в зале, Николай неизменно находил в себе силы, чтобы ещё пять – шесть часов побродить по городу впитывая дух и ритм огромного города.

В один из таких вояжей он и познакомился с группой молодых людей, устроивших пикник прямо на траве на Воробьёвых горах. Отсюда открывался роскошный вид на вечернюю Москву и окрестности и именно здесь Николай решил присесть отдохнуть. Кликнув разносчика, он взял пару пирожков с зайчатинной, бутылку Нарзана, и принялся всё это неторопливо употреблять, любуясь панорамой города.

Небольшая компания из трёх девушек, в ярких платьях, и трёх юношей в лёгких летних костюмах, шумно отмечала какое-то событие, когда к ним подошли четверо небрежно

одетых парней, с явным желанием завязать ссору.

Скандала в такой чудный вечер совершенно не хотелось, и потому Николай со вздохом отложил бутылку в сторону и громко произнёс.

– Молодые люди! Нет не вы, а вот вы. Да, вы. Подойдите пожалуйста.

Когда от группы люмпенов отделилась парочка и вихляющей походкой подошла к скамейке на которой сидел Николай, в носшибанула смесь из перегара и немытого тела.

– Чо хотел фраерок? – Старший из парочки – молодой человек лет двадцати пяти с осунувшимся от алкоголя лицом, картинным жестом поправил кепку, и демонстративно сунул руку в карман.

– Я думаю вам следует удалиться. Быстро и не оглядываясь. – Николай спокойно контролировал все движения гопников¹⁵

– А то что? – Старший шагнул вперёд и в руке его появился нож с узким прямым лезвием. – Давай-ка лучше свой лопатник, и дуй отсюда. А то курочек мы нашли, а вот рубликов не хватает.

Короткий удар ногой по руке, и нож, свечкой взмыл в небо, а Николай, не давая ни мгновения опомниться, нанёс ещё два точных и сильных удара, после чего оба грабителя улеглись на траву, и тихо, едва слышно заскулили от боли.

---

¹⁵ От ГОП – Городское Общество Призрения. Организация, попечительствующая над малоимущими.

С тихим шелестом в траву приземлился нож, и аккуратно подобрав его за лезвие, Николай метнул в дерево, а потом неторопливо пошёл к компании, где уже набирал обороты скандал.

– И чего вам неймётся? – Николай, не вступая в перебранку, одним движением толкнул головы гопников навстречу друг другу, и с глухим бильярдным звуком они столкнулись.

– Прошу прощения, что нарушил вашу беседу, с этими господами. – Николай улыбнулся молодым людям, и заметив блеснувший в руке одного из них маленький Браунинг-компакт, покачал головой. – А вот это лучше убрать. Драка это по департаменту общего надзора, а стрельба, уже уголовщина. Не стоит дразнить наших доблестных жандармов. А вот кстати и они...

Конный патруль мгновенно сообразив, что здесь произошло, уже спешил, и вызвав свистком подкрепление, рослый мужчина в форме участкового пристава подошёл к ним.

– Не соблаговолите ли объясниться?

– А что тут объяснять, господин участковый пристав? – Николай пожал плечами. – Я перекусывал вон на той скамейке, когда к этим господам подошли четверо. Поскольку намерения их были ясны и понятны с первого взгляда, вмешался. Ну в общем результат у вас перед глазами. Двое возле скамейки, двое здесь. Нож, который продемонстрировал один из этих – вон в том дереве. Воткнул чтобы не потерялся.

– Рукоятку не трогали?

– Обижаете, господин пристав. – Николай улыбнулся. – Если понадобятся мои показания, могу прибыть в участок в любое время. Проживаю в гостинице Московский Двор. – Он достал из бокового кармана паспорт и подал его правоохранителю и сразу увидел, как изменилось лицо офицера. Золотое тиснение на обложке полагалось только дворянам, а мечи под гербом говорили о военном сословии. Тем не менее, полицейский офицер внимательно посмотрел и регистрационный штамп, и прочие реквизиты документа после чего кивнул.

– Думаю и так всё ясно, – Полицейский отдал паспорт, и коротко козырнул. – Не смею вас боле задерживать господ. Честь имею. И осторожнее. Сегодня на фабрике Морозова получку дают, так мы этих субчиков по всему городу собираем.

К этому моменту девушки быстро собрали всё имущество и продукты в две объёмистые корзины, и уже уходили, когда к Николаю обратился один из молодых людей.

– Полагаю было бы невежливо просто так отпустить нашего спасителя. – Он широко улыбнулся, блеснув ровными зубами, и подал руку.

– Серж Фальер.

– Николай Белоусов. – Николай пожал руку. – Но уверяю вас, вы мне ничего не должны. Я вмешался, как и подобало человеку чести в данной ситуации. Уверен, что вы сами без труда смогли бы решить данное недоразумение.

– Вот что значит порода! – Воскликнул Серж повернув голову и обращаясь к кому-то из своих спутников. – Посмотрите, Казимеж, наш герой ещё и скромненький, но думаю у меня есть чем растопить ледяное сердце этого викинга. Правда, Мириам?

Высокая стройная девушка в тёмно-синем платье и ажурной шляпке, приколотой к рыжим волосам, подошла к Николаю, и взяв за руку слегка прижалась высокой грудью.

– Вы же не откажетесь проводить нас в безопасное место?

Тёмные глаза с длинными ресницами казалось заглянули прямо в душу, и Николай почувствовавший тонкий запах её духов лишь кивнул.

– Разумеется.

Компания, перешучиваясь и посмеиваясь над незадачливыми грабителями дошла до дороги, где быстро организовала два таксомотора которые и домчали их до «Весёлого подворья» небольшого ресторана с такой же небольшой, всего на дюжину номеров, гостиницей.

Молодые люди оказались весьма свойскими и уже через час они называли друг друга на ты, и общались словно старые знакомые.

Вообще Николая поразило, насколько свободно ведут себя эти молодые люди. Словно для них вовсе не было запретов и запретных тем. За столом свободно обсуждали кто с кем и когда, а также различные новости светской жизни, в

основном альковные. Дух свободы и лёгкого разврата словно витал над столом горяча молодую кровь лучше, чем вино.

Серж, Казимеж и Джон оказались студентами Московского Университета, девушки работали модистками, а Мириам имела собственное ателье по пошиву женского белья.

Девушки сразу же стали демонстрировать отдельные элементы продукции Мириам, а сама хозяйка салона весело хохотала, глядя на это бесстыдство.

– А тебя, я вижу интересует женское бельё? – Она лукаво посмотрела на Николая и тот слегка замялся.

– Мой интерес скорее обратного характера. Даму ведь интересует, как всё это одеть, а меня как всё это с неё снять.

– Ого, – Серж рассмеялся. – Наш новый друг не лезет за словом в карман. Думаю, Мириам, что у тебя появился достойный конкурент.

Алкоголь Николай не употреблял, и заметил, что вообще за столом спиртного было немного. В основном шампанское и хорошее вино.

Через пару часов, когда компания решила, что созрела для дальнейших приключений и все собрались перейти в соседний зал, где можно было танцевать, Мириам чуть склонилась к Николаю.

– Вы ведь не откажетесь помочь даме подняться в номер? Боюсь последний бокал шампанского был лишним.

Стоило захлопнуться двери номера, как девушка набросилась на Николая, словно голодная тигрица, за малым не

отрывая пуговицы. А через пять минут она уже скакала на нём будто наездница, и прикрыв глаза от наслаждения стояла в голос, ничуть не беспокоясь о покое постояльцев в соседних номерах.

Проснулся Николай от того, что пятно солнечного света доползло до лица и даже через закрытые веки пробивалось в глаза.

Мириам спала, разметавшись по широкой кровати, бесстыдно выставив все свои прелести напоказ. Посмотрев на девушку, он почувствовал, прилив сил, и принялся осторожно, но настойчиво будить подругу, и через некоторое время она с довольным урчанием обхватила его руками и прижала к себе.

Ещё через час, наручные часы Николая тихонько звякнули, и он, лениво перевесившись через край кровати достал из кармана жилетки, небрежно брошенной на пол, браслет наручных часов и поднёс к глазам.

– Ох чёрт! – Пулей вскочил с кровати, и принялся быстро одеваться.

Мириам глядя как торопится её любовник, зевнула, и сладко потянулась.

– Ты вечером придёшь?

– Конечно. – Николай обернулся и на мгновение прильнул к губам девушки. – Сюда?

– Да. – Она с улыбкой кивнула. – К шести часам. И не

опаздывай. У меня для тебя будет небольшой, но приятный сюрприз.

На тренировку к Като, Николай едва не опоздал, но простимулированный целковым, таксист лихо домчал к залу, и быстро вымывшись в душе и переодевшись, Белоусов вошёл, и поклонившись перед началом, приступил к разминке.

Через три часа, уставший и слегка разомлевший он снова переоделся, и памятуя о вчерашнем инциденте, и имея некоторые предчувствия одел поясную кобуру с компактным, но вполне эффективным маузером 19, вышел на стоянку такси, и усевшись в Чайку, попросил отвезти его в Политехнический, где собирался узнать об экзаменах.

Огромное здание университета, возведённое совсем недавно рядом с Сухаревской площадью, кипело жизнью. Экзамены только-только начались, и студенческий люд безостановочно сновал с книгами и конспектами в руках.

С трудом протолкавшись к комнате занимаемой приёмной комиссией, Николай без лишних разговоров получил стопку брошюр и листовок, предназначенных для поступающих и пройдя до парка уселся на скамейку чтобы спокойно и без суеты пролистать все документы.

Тихий шёпот из глубины огромного куста орешника, примыкавшего к парковой дорожке, мешал сосредоточиться на документах, но отвлёкшись на секунду, и прислушавшись, Николай понял, что голос не просто шептал.

– Царице моя преблагая, Надеждо моя, Богородице, При­
ятелище сирых и странных Предстательнице, скорбящих Ра­
досте, обидимых Покровительнице!

Зриши мою беду, зриши мою скорбь; помози ми, яко
немощну, окорми мя, яко странна!

Обиду мою веси – разреши ту, яко волиши!

– Что такое... Он отложил бумаги в сторону и решительно
обойдя скамейку отодвинул рукой нависающие ветви и шаг­
нул в маленький зелёный островок отсечённый от остально­
го парка зарослями орешника.

Молодая девушка, или скорее девочка, сидела на траве, и
глядя остановившимся взором в переплетение ветвей шеп­
тала молитву Богородице, а в руках сжимала маленький за­
сапожный нож держа его лезвием к себе.

– Ты чего удумала, красавица? – Николай осторожно вы­
нул нож из тонких девичьих пальцев, и встал на одно колено,
чтобы посмотреть несостоявшейся самоубийце в глаза.

– Нет мне больше жизни. – Девушка сфокусировала
взгляд на Николае и облизнула пересохшие губы. Всё что с
батюшкой собирали на коней, всё до копейки украли ироды
клятые. Нет мне больше дороги домой. И жизни нет. Отдай
нож, добром прошу.

Глаза у девушки блеснули такой яростью, что Николай со­
брался, словно перед атакой. Но соображал он тоже быстро,

и положив нож в карман спросил:

– Сколько там было?

– Пятьсот сорок три целковых и восемнадцать копеек. – Тусклым голосом произнесла девушка и совершенно неожиданно для Николая разрыдалась.

– О Господи! – Он решительно поднял девушку на ноги, и крепко взяв за руку, повёл за собой. – Ну что за глупость, лишать себя жизни! Деньги – это деньги. Если будешь жива – деньги будут. Умрёшь, и уже ничего не будет.

– А как же рай? – Всхлипнула девушка.

– Рай самоубивцам не положен. Неужели не знаешь? – Николай уже дотащил девушку до дороги, и взмахнул рукой, подзывая таксомотор.

– Что здесь происходит? – Высокий широкоплечий полицейский неторопливо подошёл, придерживая рукой кобуру, висевшую на месте недавно отменённой к ношению шашки.

– Вот, убиться решила. Деньги украли, а она себя лишит жизни задумала.

– И? – Кончики усов полицейского удивлённо взметнулись вверх, а рука привычно легла на клапан кобуры с Громобоем – штатным полицейским револьвером калибром в десять миллиметров. Он уже заметил бугрящуюся под пиджаком молодого человека кобуру, и предпочитал не рисковать.

– Банк, конюший торг, билеты. – Коротко ответил Николай, протягивая блюстителю порядка свой паспорт. – Если будет упрямиться, сдам ближайшему батюшке. Пусть ей моз-

ги-то прочистят.

– Белоусов... Не Александра Денисыча сынок?

– Да. – Николай забрал документ и спрятал в боковой карман пиджака. – Знали моего батюшку?

– Ещё как знал. – Полицейский усмехнулся, и подняв к губам свисток сильно дунул, издав оглушительный звук, от которого ближайшая машина – снежно-белый лимузин Лыбедь, резко ударил по тормозам и вильнул к обочине.

– Случилось чего, господин пристав? – Шофёр, одетый в светло-серый щегольской френч, широкие штаны и лаковые штилеты, выскочил из машины и подошёл ближе.

– Жетон сто сорок двадцать восемь, пристав Кобылкин. – Полицейский коротко откозырял. – Доставите эту парочку в...

– Первый имперский, – подсказал Николай.

– Первый имперский. – Повторил Кобылкин, и протянул руку Николаю. – Батюшке при okazji привет передавайте от второй роты. Здесь у нас целое общество, так что милости просим боярич.

– Обязательно передам. – Николай, не отпуская девушку перехватил её левой рукой, и ответил на рукопожатие.

Шофёр лимузина, представившийся как «Просто Велимир» оказался компанейским и словоохотливым мужчиной, и уже через пять минут знал всю историю Кати. И то, что отец её заболел, простудившись на весенних ветрах и не смог

поехать на торг, а мама с маленькими детьми осталась дома, и то, что в прошлом году был неурожай, а братья совсем не слушаются, и норовят ободрать соседский сад, отчего у них вконец испортились отношения с односельчанами.

Через полчаса машина, мягко притормозила у входа в банк и Велимир кивнул Николаю.

– Я подожду вас. Мне всё равно за князем ехать к шести, так что успеем.

Лимузин, остановившийся у входа в банк положительно повлиял на резвость служащих, и уже у дверей, Николая ждал распорядитель, быстро организовавший и окончательное оформление счёта, и выдачу наличных и даже обмен дорожных чеков.

Укладывая резко потолстевший бумажник в боковой карман пиджака, Николай нашёл взглядом Катерину, безучастно сидевшую в уголке, и успокоено кивнул.

Велимир оказался настоящим знатоком города, и отвёз их даже не на конный торг, а в хозяйство купца Орлова, специализирующегося на разведении и продаже именно рабочих лошадей.

– Чутка дорого, но оно того стоит. – С видом знатока он вёл Николая и Катю между лошадиных загонов. – Сейчас я вас познакомлю... – Пётр Игнатьич! – Он кому-то помахал рукой, и когда подошёл дородный господин в простой одежде и кожаном фартуке, со всей вежливостью представил его.

– Господа, хочу представить вам, купца первой гильдии,

почтеннейшего Петра Игнатъича Орлова. Пётр Игнатъич, а это боярич Белоусов, и Катерина. У девушки украли все её деньги, а боярич вошёл в бедственное положение, и решил помочь ей.

– Помочь, это по-христиански. – Купец пожал руку Белоусову, и ласково провёл рукой по мокрой щеке Катерины. – Ну, не кручинься красавица. – Подберём тебе лошадок. Сколько там у тебя было?

– Пятьсот. – Ответил за девушку шофёр.

– Пятьсот. – Пётр Игнатъевич задумчиво кивнул. – Три сотни потянете, боярич?

– Семьсот и трёх русских тяжеловозов, с доставкой. – Твёрдо ответил Николай.

– Да ладно, чего, мы уж не люди? – Конезаводчик покачал головой. Давайте шестьсот, а доставка за мой счёт.

– Годится. – Николай пожал твёрдую, словно деревянная колода руку, и пока конезаводчик с девушкой и Велимиром выбирали лошадей, пошёл оформлять документы в конторку. Когда он вернулся, лошадей уже загоняли в просторный фургон-коневоз прицепленный к тяжёлому грузовику.

– Так держи, и не потеряй. – Николай отдал документы на лошадей девушке.

– А сама как добираться будешь красавица? – Пётр Игнатъевич незаметно подошедший сзади окликнул Катерину, пребывающую в лёгком шоке. – А то, давай с нашими экспедиторами и лошадками. Через два дня будешь дома. Довезут

прямо до места.

– Ой, а можно?

– Конечно можно. Чёж не мочь-то? Доставят аки вазу хрустальную.

Николай достал из бумажника два пятидесятирублёвых билета и протянул девице.

– Вот тебе на дорогу. Попросишь водителя остановиться и в Коломне купишь своим гостинцев.

– Ой, дяденька Николай, я за вас Богородице вечно молить буду, и за вас, Пётр Игнатьич. Она встала на цыпочки и легко коснулась своими нежными губами щеки Николая, отчего у молодого боярича вдруг зашипало в глазах.

– Ну, брось это. Вон, лучше Петра Игнатьевича благодари. А то я уж было хотел тебя под охраной отправлять, чтобы опять чего не учудила.

6 глава

Столкнувшись с невиданным перенаселением, Москва раздалась вишьрь и ввысь осваивая новые земли и горизонты. Уже не редкость дома в двенадцать – пятнадцать этажей и районы, отделённые от центра десятком километров. Появление быстрого общественного транспорта в таких условиях было делом времени и электрические трамваи, освоившие центр, быстро углубились в рабочие кварталы и пригороды Столицы, довозя москвичей измученных шумом и копотью большого города в тихие дачные районы, а рейсовые аэролёты, и быстроходные суда, сделали поездку не только комфортабельной, но и увлекательной.

Но рост города, не мог сказаться на росте преступности, и многочисленные жулики, и бандиты, как местного извода, так и прибывшие из разорённой Европы, заполнили Москву, доставляя множество огорчений и жителям, и Полицейской Управе, возглавляемой генералом Треповым.

Разные карманные воры, бандиты всех мастей, жулики и проходимцы, совершенно изменили облик города, лишая нас не только привилегии погулять ночью, но и просто возможности спокойно проехать в общественном транспорте.

Жители Москвы с благодарностью восприняли резкое увеличение количества патрулей на улицах, которое произошло за счёт привлечения казачьих частей, и войск гарнизона. Спокойствия сразу

стало больше, а с выходом Высочайшего Указа, «О чрезвычайных мерах по борьбе с преступностью» ситуация стала улучшаться с каждым днём.
Владимир Гиляровский Московский Курьер 22 мая 1920 года

Российская империя, Москва.

Расставшись с Велимиром на Рогожской заставе, Николай решил пройтись пешком, чтобы хоть так сбросить напряжение этого беспокойного дня. И к Весёлому двору он подходил уже во вполне уравновешенном состоянии. И хотя до срока было ещё больше часа, он полагал, что можно прийти и чуть раньше.

По случаю летней жары, окна ресторана были распахнуты настежь, и из них доносился разноголосый шум публики, находившейся в зале и музыка играемая крошечным всего в три человека ансамблем.

Голоса компании, сидевшей прямо у окна Николаю, показались знакомыми, и он чуть притормозил, тем более что пачка выданных ему в Политехе документов, всё время норовила выпасть из кармана. Говорили по-французски, и это ещё больше насторожило Николая, который с деловым видом принялся за ревизию своих карманов, внимательно прислушиваясь к тому что происходило за окном.

— И ты...

— Раздел эту дурочку практически до трусов. — Голос Ка-

зимежа, с лёгким польским акцентом Николай узнал сразу. — Она приехала покупать лошадей, и я не мог пройти мимо такой удачи. Пять с половиной сотен между прочим! Представляешь, эта лохушка таскала все деньги в кошельке на пояс! Ну, срезал, конечно. Чего ей таскать такую тяжесть.

Хохот компании на некоторое время заглушил все остальные звуки.

— Ну ладно. А что у нас с подготовкой дела?

— Ключи я сняла. — Прозвучал голос одной из модисток. — Теперь дело за вами.

— Сейф в рабочей комнате. Возьмём без проблем. — Произнёс Джон.

— Как, твой? На шухере постоит?

— Я планирую сегодня устроить ему забег вместе с Еленой. Вдвоём мы точно ушатаем этого жеребца. А к утру он будет как шёлковый. Постоит, конечно. Постоит и соберёт на себя всю полицию этого городишки. А потом, сразу же переезжаем. Мы уже достаточно засветились в этом городе. Пора менять место. — Серьёзно произнесла Мириам.

— А куда поедем?

— Пересидим в Лодзи, а потом наведаемся в Нижний Новгород. Как раз к осенней ярмарке. Думаю, там хорошо будет пощипать шерсть с местных аборигенов.

В принципе Николаю было уже всё понятно и разложив, наконец, все бумажки, он с улыбкой вошёл в ресторан. Ми-

риам, словно не видела его несколько лет, с визгом вскочила с места, повисла на его шее и впилась долгим поцелуем в губы.

С некоторым трудом оторвав девушку от себя Николай сел за стол и вопросительно обвёл взглядом компанию.

– Значит, раздел до трусов, Казимеж? – Он усмехнулся, глядя в бегающие глаза мошенника. – А ты знаешь, что в большинстве случаев, гибель или кража лошадей из крестьянского хозяйства значит для семьи? Это фактически полное разорение. Если кто-то из благотворительных фондов не подсуется, то они в лучшем случае оказываются на самом дне общества.

– Брось, Николай. – Серж кривовато ухмыльнулся. – Не тебе это говорить. Денежки-то небось не на заводе заработал? Мы же одной породы. Породы хищников. И лохи существуют для того, чтобы мы жили. А сколько их там сгинет – неважно. Бабы ещё нарожают. – Он рассмеялся. – Дураки не переводятся никогда.

– И много ты слышал из нашего разговора? – Негромко спросила Мириам.

– Достаточно. – Николай достал бумажник, и бросил на стол сотенную. – Это за вчерашний банкет. Не хочу быть обязанным таким мразям как вы.

Он встал, и не говоря больше ни слова и не прощаясь вышел из ресторана, благодаря судьбу за то, что не успел вляпаться в эту историю по-настоящему. Теперь следовало со-

общить обо всём в полицию, и Николай двинулся в сторону центра.

Несмотря на то, что Белоусов-младший считал свои действия правильными и единственно возможными, на душе было гадко. Идя неторопливой походкой по городу, он не заметил, как стемнело и улицы осветили электрические фонари. Спросив у городского дорогу к полицейской управе, он сориентировался и спрямляя путь свернул в переплетение переулков, вившихся между доходных домов и торговых заведений.

Лёгкий шелест из простенка между домов, заставил его отшатнуться, выхватить из-под полы короткий маузер, но пущенный чьей-то рукой нож, выбил пистолет из руки и улетел в темноту, громко звякнув на асфальтовой дороге. Не раздумывая ни секунды, Николай прижался к стене, и сунув руку в карман чуть не порезался об нож, который так и забыл вернуть Катерине.

Когда смутно-серая фигура вынырнула из темноты, Николай резким движением метнул нож в грудь человеку, и с удовлетворением увидел, что тот почти беззвучно повалился на землю. Тут же выскочил второй и получив медный пятак в плечо, со стоном схватился за рану и присел.

Третий нападавший начал беспорядочно стрелять, но патронов в маленьком револьвере было всего пять штук, и после того как курок несколько раз клацнул вхолостую, Николай метнул последний кругляш бандиту в лицо.

Утро третьего июня в московской городской управе Внутренних дел, начиналось, как и всегда, с доклада ночных происшествий градоначальнику, генерал-адъютанту Трепову.

Секретарь с утра просматривал сводки происшествий и вычленял наиболее важное. И именно поэтому поимка доселе неуловимой банды грабившей богатых горожан прозвучала самой первой строкой.

– В ходе нападения на дворянина империи и реестрового казака боярича Белоусова, были задержаны и переправлены в отделение трое неизвестных, оказавшихся: Казимиром Новаком, Джоном Харри, и Сержем Лещинским, опознанным по листам розыскной канцелярии. Своевременными действиями летучей бригады городской полиции¹⁶, были задержаны ещё трое членов банды. Мириам Кравчик, Елена Дарс, и Кларисса Шпильман. Дознание ведётся Следователем Шестого Управления полиции коллежским секретарём Норштейном.

Трепов поднял руку останавливая секретаря, который уже собирался перейти к следующему пункту сводки.

– Подробности. Этот казак не пострадал? Нам ещё проблем с их землячеством не хватало.

– Осмелюсь доложить, это именно он задержал первых троих. Когда подбежал патруль, привлечённый звуками вы-

---

¹⁶ Летучий отряд или бригада – аналог ОМОНА и оперативной бригады в этом мире.

стрелов, все трое уже были повержены.

– Один задержал троих? Однако. – Брови градоначальника взвились вверх. – Он что же перестрелял их?

– О нет, ваше высокопревосходительство. Пистолет у него выбили в самом начале. Стреляли нападавшие. А судя по рапорту, этот ловкий молодой человек отбивался пятаками.

– Простите чем? – Глаза генерала буквально полезли на лоб.

– Именно так. Первому он воткнул нож в верхнюю правую часть груди, второму вогнал пятак в плечо, и хирург полицейского отделения буквально выковыривал его из тела. А третьему монета попала в глаз, и теперь он ослеп на левую сторону и жив только благодаря докторам Первой градской.

– И как там зовут этого лихого побивателя бандитов? – Трепов раскрыл блокнот, и взял в руки ручку.

– Боярич Белоусов Николай Александрович.

– Занятно. – Московский градоначальник, с задумчивым лицом подкрутил ус разглядывая фамилию которую сам же написал в блокноте. – Я уже слышал это имя, и причём от своего шофёра. Велимир рассказал мне о некоем молодом человеке, который настолько близко к сердцу воспринял беду одной девицы, что разрешил все её проблемы, потратив изрядную сумму. – Интересный юноша. – Медленно проговорил полицейский генерал. – Ну, продолжайте, что ещё там у вас?

Возня с полицейскими протоколами и очными ставками заняла Николая до самого утра, а уже в шесть часов, в кабинет ворвался адвокат Дворянского Общества, и потребовал немедленного освобождения боярича Белоусова, так как по уложению 1803 года, задерживать дворянина на срок более трёх часов, без санкции городского прокурора воспрещалось.

К этому моменту, Николай уже успел коротко сойтись со следователем, и не дожидаясь его ответа, сам встал на защиту полиции.

– Но позвольте, уважаемый господин Ульянов. Никто и не думал меня, как вы выражаетесь, задерживать. Мало, того, только что мы с уважаемым господином участковым приставом вернулись с завтрака, которым он меня угостил в ближайшем трактире. Так что моё пребывание здесь, есть проявление гражданского долга, и искреннего желания помочь в расследовании.

– Я бы на вашем месте, не доверял так безоглядно полицейским чинам, молодой человек. Адвокат смешно картавил, и Николаю едва удалось справиться с собой и не улыбнуться.

– Каждый из нас, на своём месте. Но вы можете не беспокоиться Владимир Ильич. Ваши хлопоты будут оплачены. Сегодня же я отправлю полную сумму гонорара за разовый вызов.

Недовольный адвокат замер на мгновение, а затем корот-

ко кивнул.

– Тогда позвольте мне откланяться. – И оставив на всякий случай визитку, вышел.

– Скандалист. – Прокомментировал следствие явление адвоката. – Вечно у него проблемы с нашей коллегией. Батюшка у него действительный статский советник, а брат – видный химик, в прошлом году имел счастье быть представленным государю, как один из лучших учёных империи, а этот... Но кстати мы уже закончили, Николай Александрович. – Следователь положил перед Николаем пачку листов и ручку. Ознакомьтесь и распишитесь. Между прочим, звонили из канцелярии самого обер-полицмейстера Трепова. Очень интересовались этим делом и вашей ролью в нём. Так что советую ещё недельку побыть в столице. Сюрпризы бывают не только неприятные.

– Да я в общем и не собирался. – Николай стал быстро просматривать протокол. – Наметил для себя поступление в Технологический, на факультет силовых машин и агрегатов.

– Да, инженеров в империи не хватает. – Со вдохом подтвердил следователь. – Но на всякий случай, возьмите вот телефон приёмной комиссии Императорской полицейской школы. После её окончания присваивается первый чин – губернский секретарь, что соответствует армейскому поручику. А с вашими данными, полагаю, карьера будет блестящей.

Михалыч терпеливо ждал на улице, пока Николай выйдет.

Он уже разузнал от бывших сослуживцев все детали происхождения, и решив для себя, что его воспитанник поступил правильно, теперь раздумывал о том, как об этом сообщить Белоусову – старшему.

Увидев воспитанника выходявшего из дверей управления, он молча кивнул ему на машину, и дождавшись, когда таксомотор тронется, коротко скомандовал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.